

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 2/87
Февраль

ISSN 0131-5994

ЗА ПРАВО ЖИТЬ В МИРЕ И БЕЗОПАСНОСТИ НА ЗЕМЛЕ, СВОБОДНОЙ ОТ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

ПРИЗЫВ XII АССАМБЛЕИ ВФДМ

Молодежь мира!

Мы стоим перед реальной угрозой ядерного уничтожения. Продолжающаяся гонка вооружений, разработка новых, все более изощренных видов оружия массового уничтожения и рост арсеналов ядерного оружия не делают наш мир более безопасным. Более того, планы ее перемещения в космическое пространство не только не укрепляют безопасность, но и делают гонку вооружений на земле необратимой.

Производство каждой новой боеголовки, ракеты, бомбардировщика, проведение каждого нового ядерного испытания приближают нас к опасной грани! Новые достижения науки в значительной степени используются против интересов человечества в военных целях, уменьшают наши шансы выжить.

Ядерная угроза сегодня опасна тем, что любой вооруженный конфликт с применением ядерного оружия может привести к уничтожению цивилизации как таковой. Предотвратить это и ликвидировать ядерное оружие — наша неотложная и общая задача.

Гонка вооружений уже сегодня уносит жизни людей. Миллионы, умирающие от голода и болезней,— ее жертвы. Остановить гонку ядерных вооружений, преследующую человечество с атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в 1945 году,— значит ликвидировать неграмотность, обеспечить медицинскую помощь и продовольствие для всех, преодолеть отсталость в развитии, направив высвобождающиеся средства на экономическое развитие всех народов.

В современной тревожной обстановке настало время принять решительные меры для прекращения гонки вооружений, особенно ядерных.

Время требует усилий всех и каждого для создания системы всеобщей безопасности. Остановить гонку вооружений и обеспечить мир, свободный от ядерного оружия, возможно!

В этом нас убеждает то, что все больше и больше людей поднимают свой голос в защиту мира, в защиту права на жизнь. Мы вместе с теми, кто ведет эту благородную борьбу.

Обеспечивание выживания человечества сегодня требует немедленных действий, проявления разума и доброй воли. Нам необходимо объединенными усилиями добиваться запрещения и полной ликвидации ядерного оружия. Во имя спасения будущего мы призываем всех юношей и девушек, которым дорог мир, выступить во всемирной антиядерной коалиции.

Борьба и практическая деятельность, направленная на предотвращение ядерной войны и объявление ее вне закона, недопущение милитаризации космического пространства, полное запрещение ядерных испытаний, нераспространение ядерного оружия создают для этого необходимую основу.

Решительность и ответственность — вот что сегодня требуется от молодого поколения в этой критической обстановке. Мы призываем молодежь независимо от политических, идеологических, философских и религиозных убеждений и взглядов действовать совместно и параллельно на национальном, региональном и международном уровнях во имя общей цели — устранения ядерной угрозы, обеспечения мира на земле и в космосе.

Молодежь, объединенная в рядах Всемирной федерации демократической молодежи, убеждена, что совместные усилия и конкретные акции внесут свой вклад в достижение мира, свободного от ядерного оружия!

МОСКВА. Факел мира, зажженный у стен здания штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, стал началом «Эстафеты мира», посвященной Международному году мира и 40-летию Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ). На снимке справа вверху вы видите прибытие факельной эстафеты из Праги в Москву. Эстафета прошла по 45 странам всех континентов, побывала в 65 крупных городах. Проделав путь вокруг Земли, факел мира возвратился в Нью-Йорк в штаб-квартиру мирового сообщества наций.

САН-САЛЬВАДОР. Правящая хунта объявила, что ни один доллар из фондов американской военной «помощи» не будет потрачен на поддержку жертв землетрясения. Как известно, во время этой катастрофы в столице Сальвадора погибло около 1 тысячи человек, 8 тысяч были ранены и 40 тысяч жителей остались без крова. 200 миллионов долларов, полученных из США, будут направлены на военную операцию, цель которой — «наказать противников программы национальной реконструкции», то есть на карательные рейды против патриотов: крестьян, рабочих, студентов. Профсоюзы, церковь, другие организации обратились ко всем, кто хотел бы помочь жертвам землетрясения, с призывом не посылать деньги правящей хунте, которая, как это было не раз в прошлом, присвоит их себе.

САН-ПАУЛУ. Этот бразильский город с населением свыше 10 миллионов человек стал первым в Латинской Америке, объявившим себя зоной, свободной от ядерного оружия. По инициативе Тенорио де Лима, депутата муниципальной ассамблеи от Бразильской коммунистической партии, был принят закон, по которому в Сан-Паулу запрещается производить и размещать ядерное оружие.

СИДНЕЙ. Крик «Человек за бортом!» не прозвучал. Это не несчастный случай. И тем более не фотомонтаж (снимок внизу справа). Это другое: бывший австралийский военный моряк Иэн Коэн решил так выразить свой протест против захода американской военной эскадры в территориальные воды Австралии. Согласно договоренности американские военные корабли заходят для ремонта в гавани австралийских портов, причем среди этих кораблей есть и атомные. Мужественный человек сумел приблизиться к эсминцу «Олдендорф» и ухватиться за него. Австралийское движение за мир привлекает к себе все более широкие слои населения, и люди выражают свой протест против милитаристской политики США подчас самым неожиданным образом.

СЕНТ-ДЖОРДЖЕС. Совет профсоюзов Гренады обратился с призывом о помощи к международному профсоюзному движению в связи с «растущей антирабочей политикой правительства и частных предпринимателей». На митинге в Сент-Джорджесе в поддержку этого призыва профсоюзные активисты рассказывали, как поставленное США в результате интервенции на Гренаду правительство постоянно притесняет трудящихся, как растет число безработных, поднимаются цены. «Под диктовку Вашингтона правительство Гренады грабит рабочих и предает интересы страны во внешней политике»,— заявили собравшиеся на митинг.

МАНАГУА. Граждане США, живущие в Никарагуа, организовали двенадцатичасовую осаду американского посольства в знак протеста против интервенционистской политики своей страны в Центральной Америке и солидарности с ветеранами агрессии во Вьетнаме, одновременно проводившими такую же осаду Капитолия в Вашингтоне. Американцы в Никарагуа распространили листовку, в которой, в частности, говорилось: «Во имя нашей общей солидарности мы посвящаем нашу 151-ю осаду посольства США в Манагуа нашим братьям по борьбе».

ВАШИНГТОН. В «Ровеснике» № 1 за этот год в очерке «Разумные существа с неведомой планеты» рассказывалось о совместной советско-американской постановке «Дитя мира», в которой герои и исполнители, дети двух стран, дружат на сцене и дружат в жизни. Недавно труппа из 11 американских и 10 советских ребят в возрасте от 10 до 20 лет проехала по 12 городам США и завершила турне в «Кеннеди-центре» в Вашингтоне. Все выступления прошли с огромным успехом, но... представитель Белого дома обвинил Дэвида Вулкомба, директора постановки «Дитя мира», в «советской пропаганде», назвал спектакль «вредным», потому что в нем «нет ничего, что учило бы американских детей бояться и ненавидеть Советский Союз». Дэвид Вулкомб заявил, что такое отношение к спектаклю администрации США не заставит его прекратить работу «по воспитанию миром».

ТОКИО. Участники японского антивоенного движения, одного из самых активных в мире, арендовали и купили яхты, катера, парусные суда для того, чтобы блокировать вход в порт Сасебо (снимок вверху). Таким путем они выразили свой протест против захода сюда американского военного корабля «Нью-Джерси» с ядерным оружием на борту. Опросы общественного мнения в стране показывают, что большинство населения поддерживает предложения Советского Союза о полном уничтожении ядерного оружия, требует превращения Тихого океана в зону, свободную от средств массового уничтожения.

НЬЮ-ЙОРК. Под этим снимком (внизу) газета американских коммунистов «Пиплс дейли уорлд» сделала такую подпись: «В США и во всем мире люди требуют положить конец ядерным испытаниям. Фото сделано во время «Круиза мира» на Миссисипи». Демонстранты несут плакат: «Советы остановили испытания, почему мы продолжаем?» Действительно, почему Белый дом вопреки требованию своего народа, вопреки интересам народов всех континентов продолжает испытания опаснейшего оружия? Одну из причин можно найти в исследовании американского комитета по экономическим приоритетам. Председатель комитета и автор исследования Элайс Тэппер Марлин пишет: «90 процентов средств, выделяемых правительством США на проект «звездных войн», попадает к подрядчикам в те штаты, сенаторы от которых заседают в Капитолии и поддерживают необходимость ядерных испытаний». Далее она приводит документы и свидетельства, доказывающие, что сенаторы-ястребы получают до 75 процентов своих доходов от фирм, выполняющих заказы по проекту «звездных войн».

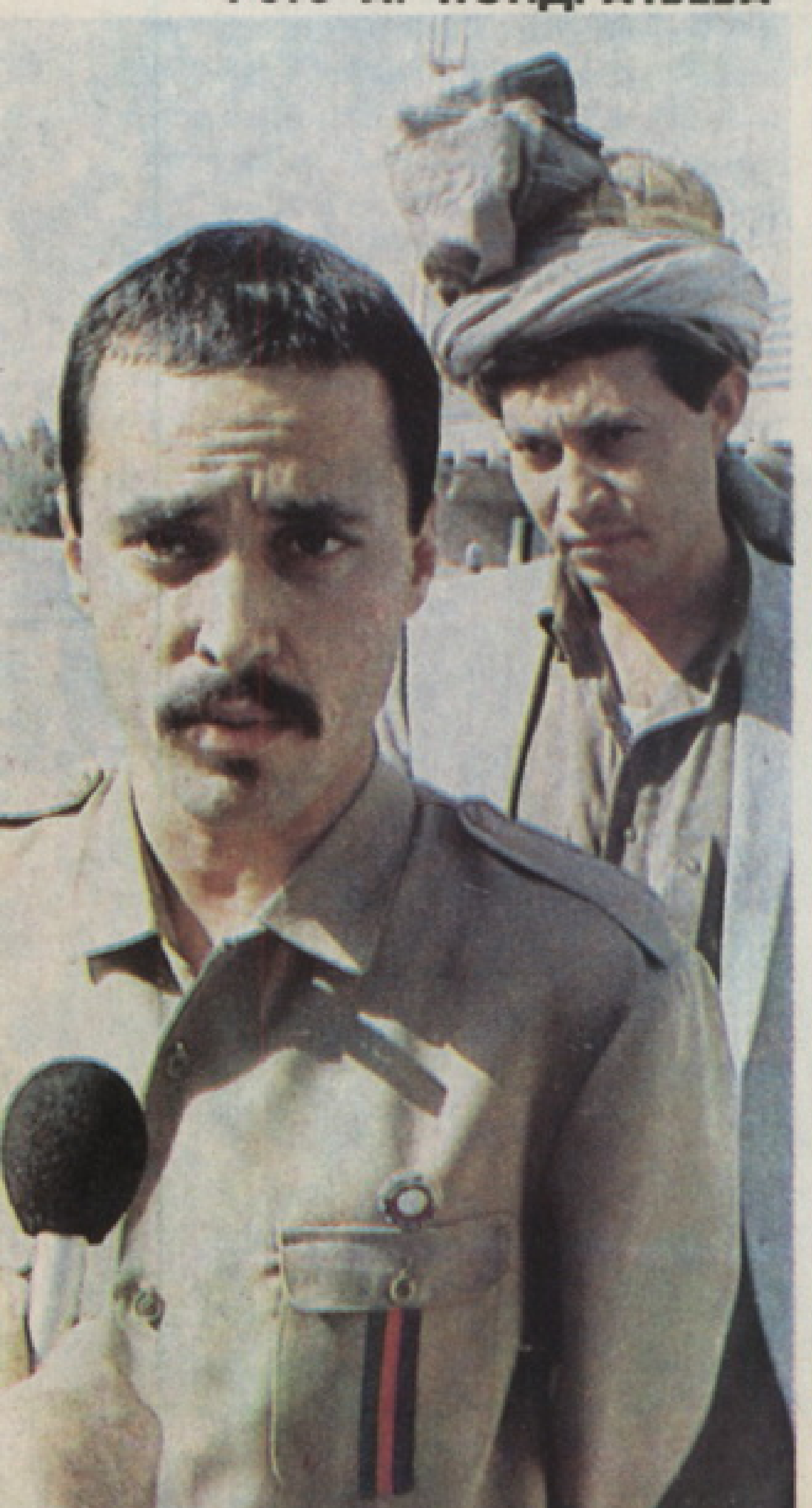

СМОТРИТЕ

Перед вами, читатель, фотохроника II фестиваля дружбы советской и афганской молодежи, проходившего осенью 1986 года в Ташкенте. В этом городе, возрожденном из руин после землетрясения 1966 года солидарностью всех народов нашей многонациональной Родины, собрались рабочие и ученые, студенты и мастера культуры обеих стран, воины, увенчанные боевыми наградами Советского Союза и Афганистана. Собрались, чтобы обсудить свои мирные планы, сегодняшние сложности и проблемы. Были, конечно, в Ташкенте митинги и концерты, манифестации и дискуссии, было все, что крепит солидарность и дружбу. На Востоке говорят: птица сильна крыльями, а человек — дружбой. Дружба — ценное достояние советской и афганской молодежи, залог дальнейшего развития добрососедских отношений двух стран, начало которым было положено В. И. Лениным и Амманула-ханом.

Фото А. КОНДРАТЬЕВА

Ту-134А-3
АЭРОФЛОТ

МИР
ПОБЕДИТ!

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

КОМПЬЮТЕРЫ ДЛЯ ВАС

Андрей КРУШИНСКИЙ,
собкор «Правды» в Болгарии — для «Ровесника»

Ивайло Ангелов так увлекся игрой, что не заметил, как сзади подошла учительница. Она понаблюдала из-за плеча за его руками и, ничего не сказав, пошла дальше вдоль ряда. А Ивайло продолжал играть. Он нажимал на клавиши, и на дисплее, повинуясь его командам, двигалось в разных направлениях изображение боевого корабля...

Я вспомнил далекие школьные годы: как увлекались мы тогда «морским боем» на уроках. Запрятав под крышку парты разграфленные листки бумаги, шепотом передавали друг другу координаты «обстрела». Горе было тому, кого за этим занятием заставал учитель. Ивайло и его сверстники играли на уроке в открытую. А партнером каждого был... «искусственный интеллект».

Необычно оборудован этот кабинет габровского техникума. На столах телевизоры на подставке с клавишами, как у пишущей машинки,— микрокомпьютер Имко-2. Во что играть — зависит от программы на кассете, подключаемой к компьютеру. Так, у Нины Прывчановой во весь экран протянулась автострада, по которой сновали силуэты машин: ее задача — перевести через дорогу черепаху. Чуть дольше учительница задержалась возле Красимиры Готевой. Ее телевизор изображал шахматную доску. С помощью клавиатуры девушка передвигала свою фигуру, затем компьютер делал ответный ход.

На перемене преподаватель Богдана Дойнова рассказала о себе. Она инженер, специалист по автоматизированным системам управления. Работала в окружном вычислительном центре и вот перешла сюда, в техникум, которому выпала роль одного из базовых учебных заведений страны по внедрению электроники в учебный процесс.

— Логические игры,— пояснила она,— весьма полезны на начальном этапе обучения, с их помощью человек легче овладевает «бейсиком» — простейшим из языков общения с электроникой. Будущие программисты проводят в этом кабинете по шесть часов в день, для других специальностей наши занятия — факультативные, хотя еще не было случая, чтобы кто-то их пропустил. Каждый выпускник техникума будет владеть «второй грамотностью»...

«Вторая грамотность»! Не совсем пока привычные слова заслуживают самого серьезного осмысления. «Вторая грамотность» — это умение пользоваться компьютером.

В 1971 году в Болгарии началась кампания под девизом: «Стать нацией технической!» Многим этот девиз поначалу казался слишком смелым: у отцов и матерей тех ребятишек, что сегодня забавляются игрой с компьютером, жива в памяти Болгария без автомобилей и радио, когда ей нечего было вывозить, кроме необработанного табачного листа. Ввозить же приходилось практически все, включая гвозди.

Индустриализация первых послевоенных пятилеток создала заводы, рудники, электростанции, новые города. Но насколько сложнее оказалось перековать вчерашних полуграмотных крестьян в мастеров современного промышленного производства!

По числу упоминаний в болгарских газетах слово «компьютер» наверняка на одном из первых мест. «Вторая грамотность» сейчас у всех на устах. Известия о внедрении в производство новых ЭВМ, об оснащении электроникой той или иной школы, об открытии очередного клуба «Компьютер» перемежаются со статьями о необходимости поднять уровень образования, квалификацию рабочих и служащих. Треть болгарских рабочих имеет среднее образование, доля высококвалифицированных специалистов среди них — чуть больше одной пятой, а требуется как минимум 50 процентов. Не рановато ли в этих условиях приниматься за электронизацию экономики?

Эту проблему мы обсуждали с Иваном Михайловым, руководителем товарищества «Авангард».

Иван Михайлов, выпускник математической гимназии, поступил в столичный высший машинно-электротехнический институт имени Ленина — самый известный технический вуз страны. Для того чтобы приобрести практические навыки по выбранной специальности, пошел рабочим на экспериментальный завод при институте. Вскоре его выдвинули на должность руководителя конструкторского бюро, затем — заместителя директора. Ныне он возглавляет инженерное товарищество «Авангард», занимающееся внедрением в производство новой техники. Это товарищество учреждено «на паях» ЦК Димитровского коммунистического союза молодежи (ДКСМ), Болгарским народным банком и Госкомитетом по науке и техническому прогрессу. Естественно, что Иван Михайлов, как и возглавляемое им товарищество, главные инициаторы борьбы за распространение «второй грамотности».

— Мы не имеем права упускать из внимания перспективы,— рассуждает он.— Молодежь просто обязана уже сейчас постигать азы информатики. Научно-техническую революцию искусственно не придержишь, она развивается по своим законам. Для нынешних детей, когда они вступят на трудовой путь, манипулирование «искусственным интеллектом» окажется столь же необходимым и естественным, как для нас сегодня писать пером и читать. Что же касается некоторых теневых сторон массового распространения микрокомпьютеров, то социалистическое общество найдет способы, как себя обезопасить...

Инициатором кампании компьютеризации школы выступил Димитровский комсомол: на пленуме ЦК ДКСМ утверждена программа массового обучения юношей и девушек обращению с электронно-вычислительной техникой, борьбы за ее повсеместное внедрение в производство, управление, учебный процесс. Политбюро ЦК Болгарской компартии поддержало эту инициативу. Так перед компьютеризацией открылась зеленая улица.

Совершив при жизни одного поколения скачок от деревянной сохи и масляной лампады в век повсеместного распространения электроники, Болгария именно в этой отрасли добилась наиболее впечатляющих успехов. По выпуску электронных изделий на душу населения НРБ на одном из ведущих мест в мире, а по некоторым из них — основной производитель либо координатор производства в рамках Совета экономической взаимопомощи.

На выставке, организованной болгарским объединением ИЗОТ в Москве, от разнообразия всевозможных «чудо-машин» разбегались глаза. Там можно было полюбоваться и кассовыми аппаратами нового поколения, и текстообрабатывающей машиной, и «бюрокомпьютером» — ЭВМ, способной взять на себя всю «бюрократическую» рутину крупного учреждения или завода (от обработки экономиче-

ской информации до выдачи документов и организации архива). Специалистов особенно заинтересовали системы автоматизации проектирования. Я же не мог не остановиться перед старым знакомцем — скромным на вид Имко-2 (это название образовано из первых букв словосочетания «индивидуальный компьютер»).

У Имко-2 немало профессий. Назову только некоторые из них. Имко в состоянии выполнять обязанности терпеливого преподавателя и беспристрастного экзаменатора по химии, физике, математике, биологии, электротехнике, астрономии. Далее, ни один бухгалтер не сравнится с Имко в скорости и точности расчетов. Главная же профессия Имко — служить популяризатором «второй грамотности».

С подробностями нарастания «бума компьютеризации» я ознакомился в Габрове. Именно здесь 150 лет назад открылась первая в стране гимназия. А 18 лет назад именно на габровском заводе «Электроника» появился первый клуб технического и научного творчества молодежи. Для компьютеризации здесь были самые благоприятные условия.

— Для Габрова требовалось два десятка Имко,— рассказывает мне Пройно Пройнов, первый секретарь окружкома Димитровского комсомола.— И вот не без трепета являемся мы в народный Совет. «Так, мол, и так, деньги нужны. Целых сто тысяч — на компьютеры». А нам в ответ: «На компьютеры? Какой ваш номер счета?»

Приступая к компьютеризации, Габровский окружком ДКСМ сам же и подал пример: комсомольскому активу, включая секретарей, было предписано в срочном порядке освоить «вторую грамотность».

В одной из комнат окружкома, как оказалось, стоит свой, комсомольский Имко. Не хуже заправского оператора Пройнов собственноручно продемонстрировал, как с помощью машины ведется комсомольский учет, контролируется выполнение решений.

— Стало быть, все идет как по маслу?

— Нет, конечно,— ответил мой собеседник.— Компьютеры мы купили, а откуда возьмутся преподаватели, инструкторы? Как наладить сервис? Ищем выход «по-габровски»: составили картотеку всех молодых специалистов по электронике и программированию, работающих в учебных и научных учреждениях, в промышленности округа. Ремонтную службу задумали наладить при одном из предприятий. Главная же проблема — чем больше людей приобщается ко «второй грамотности», тем больше не хватает подходящих программ, а без них компьютер — что граммофон без пластинок...

КОМПЮТЪРЪТ ЗА ВАС
ИЗДАТЕЛСТВО „НАРОДНА МЛАДЕЖ"

На снимке: первый номер болгарского журнала «Компьютеры для вас» с изображением человечка, недоверчиво воззрившегося на клавиатуру ЭВМ. Шутливый намек на тех, кто боится изменить укоренившимся привычкам.

Тем же самым озабочены и в министерстве просвещения, в ЦК Димитровского комсомола. Впрочем, проблема эта всемирная, везде программы — товар дефицитный и дорогостоящий. В США, к примеру, владельцы газеты «Вашингтон пост» не пожалели пяти миллионов за разработку программы для редакционной ЭВМ. Зато достигли полной автоматизации. Репортер пишет, или, точнее, набирает текст на своем персональном компьютере (который, со своей стороны, предлагает подборку фактов, перечни синонимов, даже просигналит, «заметив» тавтологию). Статья пересылается в компьютер редактора, который изучает ее на своем дисплее, вносит поправки и переадресовывает главной ЭВМ. И та, словно секретариат и метранпаж в едином лице, ставит материал в номер, сама определяя страницу и место...

На приобретение микро-ЭВМ школам, комсомолу выделяются миллионы левов — изрядное бремя для госбюджета. Окупаемости этих расходов послужило бы практическое использование «второй грамотности» в народном хозяйстве. Но возникает загвоздка: приветствуя на словах эту кампанию, иные из хозяйственных руководителей на деле новшеств чураются. Представители старшего поколения нередко ворчат: к чему, мол, эти дисплеи, вся эта «электронная чертовщина», когда так легко и просто водить пером по бумаге? Явление это классически представлено в образе «ничейной бабушки» из «Золотого теленка»: хотя квартира освещалась электричеством, она жгла керосиновую лампу, «ибо электричеству не доверяла». Чтобы одолеть «психологические барьеры», молодые энтузиасты стараются на деле демонстрировать достоинства электроники, ее возможности в решении конкретных народнохозяйственных проблем.

Вот типичный эпизод. Программисты

из товарищества «Авангард» явились на один из столичных заводов, уговорили директора предоставить им на месяц право «дублеров» в обработке всей экономической документации (благо, что могли при этом сослаться на авторитет партийных решений). И оказалось, что два Имко надежно исполняют обязанности семи бухгалтеров. «Каков их годовой заработок?» — осведомились программисты. «В сумме что-то около 17 тысяч левов»,— ответил директор. «Компьютеры вам обойдутся гораздо дешевле».

Подобно тому как паровая машина освободила от непосильных нагрузок мускулы, так компьютеры призваны помочь в наиболее тяжкой, утомительной работе мозга. Отсюда — воистину безбрежные перспективы повышения эффективности интеллектуального труда, интеллектуализации производственного процесса. И в Болгарии электронно-вычислительная техника все более властно вторгается в экономику, в общественное бытие.

Наука, производство, административные органы уже сейчас нуждаются в людях, способных на «ты» общаться с электронно-вычислительной техникой. Несравненно возрастет потребность во «второй грамотности» завтра. И к успешному вступлению в будущее болгарская молодежь готовится методично, настойчиво, целеустремленно.

София — Москва

НАШ ДРУГ ЭВМ

Игорь ЧЕРНЯК

Экскурсия на вычислительный центр (ВЦ) Министерства морского флота была одним из многочисленных мероприятий, организованных Дзержинским райкомом комсомола Москвы во время Недели вычислительной техники. Седьмой «А» внимательно выслушал рассказ программиста вычислительного центра о возможностях ЭВМ, после чего бойкий парнишка в очках спросил:

— А может ваша ЭВМ, к примеру, сказать, где сейчас находится судно «Лена»?

Экскурсовод нажал несколько клавиш, машина ненадолго задумалась и... выдала на дисплей точное местонахождение судна, его основные характеристики и даже предполагаемое время выхода из порта.

Я вспомнил этот эпизод, читая про урок в габровском техникуме. Да, нынешние школьники независимо от того, на каком языке они говорят, с юных лет привыкают общаться с компьютерами. Это и понятно: где бы они ни работали, какую профессию ни выбрали, каждый из них столкнется с информатикой, будет непременно иметь дело с ЭВМ. «Человек, не умеющий работать с ЭВМ, вскоре может оказаться в положении неграмотного в библиотеке: кругом столько интересного, а как прочтешь?» — в справедливости этих слов академика А. П. Ершова с каждым днем мы убеждаемся все больше.

В нынешнем году в Москве распахнет свои двери первый молодежный жилищный комплекс. Он ничем не отличается от своих предшественников в Свердловске, Риге, Калининграде, за исключением разве что одного. Во всех 1200 квартирах МЖК будут установлены персональные компьютеры. С их помощью жильцы комплекса, не выходя из дома, смогут узнать о работе торговых, лечебных, детских учреждений, записаться на прием к врачу или вызвать его на дом, получить консультацию по ведению домашнего хозяйства или воспитанию детей, сведения о работе школы и учебе школьников.

В нашей стране последние годы отмечены широким применением ЭВМ в решении самых разных задач. «Умные» машины находят свое место повсюду — они безукоризненно работают в космосе, бережливо расходуют электроэнергию, проектируют, вычерчивают чертежи, прогнозируют погоду — да чем только они не занимаются! И сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений, что добиться ускорения в решении народнохозяйственных задач невозможно без применения электроники. Все это означает, что через несколько лет нам понадобятся уже не несколько десятков тысяч специалистов вычислительной техники, а миллионы людей, которые были бы с компьютером на «ты», могли бы им пользоваться с такой же простотой, как сегодня пользуются ручкой или карандашом.

Приобщение миллионов учащихся к современной вычислительной технике — одна из важнейших задач, поставленных сегодня перед школой. Третий год в девятых и десятых классах страны изучается новый предмет — «Основы информатики и вычислительной техники». Во многих городах страны практическое подкрепление курса информатики учащиеся получают на практических занятиях в вычислительных центрах предприятий и организаций. Например, учащиеся 45-й ленинградской школы-интерната каждую неделю приходят в ВЦ университета, где работают на лучшей отечественной и импортной технике. Программисты университета читают им лекции, проводят контрольные, учат общаться с «умными» машинами. Они же оснастили Петродворцовый учебно-производственный комбинат электроникой, закрепили специалистов, которые возятся с ребятами с утра до вечера.

Компьютеры все смелее проникают на село, где еще недавно, случалось, никто во всей округе, включая председателя колхоза, не видел «живой» ЭВМ. Возьмем Томскую область. Там институты города на время зимних каникул предоставили свои вычислительные центры школьникам сельских районов. Был брошен «компьютерный десант»: микроавтобус, вооруженный ЭВМ, побывал во многих деревнях и селах области, помогая ребятам открыть информатику — увлекательное постижение машины и себя.

Во время школьных каникул в Переславле-Залесском в пионерском лагере «Юный программист» шли занятия по основам информатики и программирования. К услугам будущих программистов были три учебных класса и 50 современных персональных компьютеров. С помощью ЭВМ школьники рисовали, сочиняли музыку и даже решали посильные народнохозяйственные задачи: рассчитывали оптимальное расписание движения городских автобусов, помогали местной фабрике создать интересные графические программы для вышивальных машин.

Однако, как и у болгарских друзей, у нас есть и проблемы, тормозящие освоение компьютерной грамотности. Скажем, пока еще не хватает квалифицированных специалистов, которые могут научить школьников общению с ЭВМ. В настоящее время около шести тысяч студентов 55 педагогических вузов страны приобретают вторую специальность — преподаватель основ информатики и вычислительной техники.

Летом 1986 года при физическом факультете МГУ создали студенческий научный отряд, цель которого — помочь в компьютеризации школьного обучения, создать обучающие программы по курсу информатики. Казалось бы, кого заставишь летом сидеть в Москве, притом практически бесплатно. Однако попасть в отряд оказалось не так-то просто: на 25 мест было 60 кандидатов. Почему? Наверное, причины в том, что ребятам пришелся по душе этот совершенно новый тип студенческого отряда с новыми целями, привлекла возможность применить на практике свои профессиональные знания, воплотить в жизнь оригинальные научные проекты.

Конечно, хватает у нас еще и ретроградов, которые, привыкнув к неторопливой, спокойной жизни, принимают все новое в штыки. Дмитрий Давыдов, один из создателей информационно-вычислительной системы анестезиолога, с горечью рассказывал мне, что молодежь приняла их новинку, как говорится, на «ура!», а вот врачи постарше никак не хотели ее признавать: по старинке, мол, работать надежнее. «Хоть с плакатом агитируй»,— грустно засмеялся он, вспомнив, что, по рассказам старых москвичей, в 30-е годы молодежи так и приходилось поступать, призывая людей ездить в метро...

1917-1987

КАКИЕ МЫ?

ВЧЕРА. СЕГОДНЯ. ЗАВТРА

САМАЯ ЛУЧШАЯ АУДИТОРИЯ

Александр УИКСТЕД,
английский педагог

Я долгое время преподавал в Советской России и именно об этом хотел бы вам, читатель, рассказать. Прежде всего учтите, какое наследство досталось большевикам, когда десять лет назад они взяли власть в свои руки. В те годы около 80 процентов населения было абсолютно неграмотным, а подавляющее большинство тех, кто знал лишь азы грамоты, учились в церковноприходских школах, где преподавали чтение, письмо, а главное — «закон божий», и не более того.

Мне довелось познакомиться с человеком примерно моего возраста, который всю жизнь прожил в глухой деревушке на Волге. Он так вспоминал о детстве: избы освещались лучиной, женщины сидели за прялками, а кукурузу убирали, выдергивая стебли руками. Этот человек был свидетелем появления в широком обиходе свечей, и вдруг — электрический свет! На его глазах крестьяне пользовались серпом, косой, наконец появилась американская сноповязалка. Он рассказывал, что, когда в их деревню впервые привезли машины для уборки урожая, все жители высыпали из домов посмотреть на это чудо. Он потерял в толпе мать-старуху, пошел ее искать и нашел горько плачущей далеко в стороне от остальных. Но не подумайте, что она оплакивала простоту родной деревенской общины, оскверненную нечестивыми механизмами. Ей было горько оттого, что всю жизнь они тратили столько сил, убирая урожай вручную. Железная дорога прошла через деревню всего лишь за год до рождения этого человека. До революции он был одним из трех взрослых во всей деревне, кто умел читать и писать.

Я и сейчас не очень удивлюсь, повстречайся мне кто-нибудь, кто до сих пор не знает, что такое свеча. Но вы глубоко ошибетесь, если сочтете это незнание проявлением глупости или упрямого нежелания принимать новое. Проблема, с которой столкнулись большевики, состояла отнюдь не в том, чтобы убедить 140 миллионов граждан подняться к знаниям. Проблема была в том, чтобы, не имея никаких материальных средств, дать людям образование, которого они так жаждали.

Сначала большевики открыли огромное число новых школ. Но вскоре они поняли, что школы, где на десятки и десятки учеников приходится один неквалифицированный учитель, сам едва умеющий читать и писать, когда нет учебников и бумаги, грифельных досок и карандашей, множество таких школ не спасают положения. Просто распыляются и без того ограниченные средства. Тогда образовательная политика изменилась: было оставлено лишь столько школ, сколько правительство могло материально обеспечить в необходимом объеме, пусть и минимальном. Поймите, читатель, спрос на образование оказался так велик, что нужда в педагогах и материальных ресурсах была невообразимо острее, чем это способен представить житель, скажем, Англии.

В 1923 году в Поволжье я побывал в школе, которой руководил молодой человек лет 28. Ему удалось собрать дюжину самых разных учебников. У начальника железнодорожной станции, расположенной милях в двадцати, он выпросил кипу старых квитанций и билетов, не исписанных с одной стороны. А когда я подарил ему десяток карандашей, он заявил, что теперь ему удалось преодолеть практически все трудности. Он преподавал в две смены по четыре часа каждая, у него было около

Из книги Александра Уикстеда «Жизнь при Советах». Лондон, 1928 год.

80 учеников! Но, хотя класс был переполнен, дети поразили меня дисциплинированностью и сообразительностью. Жители деревни чем могли помогали учителю, делясь со школой своими скудными запасами.

Русские очень горды, что благодаря революции им удастся избежать многих ошибок Запада и совершить скачок из своей отсталости прямо в XX столетие, а то и в XXI век. Особенно это касается образования.

Все эти годы, что я преподавал, в России использовалось множество различных педагогических методик, и русские не жалеют усилий, чтобы вводить наиболее современные и плодотворные из них. Естественно, такая политика предъявляет высочайшие требования к преподавателям, многие из которых, я это знаю, таким требованиям не отвечают, зато им не откажешь в энтузиазме, который, как ни удивительно, возмещает недостаток профессионализма.

Энтузиазм, устремленный в будущее, вообще свойствен русским. Как анекдот мне рассказывали, но я думаю, это правда, что в 1918 году в Москве в здании штаб-квартиры ГОЭЛРО на входной двери была приколота записка: «Просьба стучать — звонок не работает».

О советской системе высшего образования я могу говорить с полным правом, поскольку сам работаю в ней с 1923 года. О более раннем периоде мне рассказывала учительница английского языка, работавшая в первые годы после революции в том же университете, что и я. У них не было ни одного учебника, был единственный карандаш — ее собственный — и ни куска бумаги. Писать приходилось на крышках парт. Она потом перешла преподавать в военную академию, потому что там «зарплата» была больше — фунт черного хлеба за день работы плюс еженедельная премия — две селедки. Но даже в 1923 году, когда состояние дел заметно улучшилось, я, бывало, задавался вопросом, почему они вообще учатся, когда условия столь тяжелы. Но люди продолжали учиться даже в самые голодные годы. Это ли не свидетельство той жажды знаний, которая охватила миллионы людей после революции. На мой взгляд, такая жажда учиться — самая поразительная черта послереволюционной России.

Для иллюстрации перемен, происшедших в России за последние пять лет, я расскажу о своей работе в Институте восточных языков. Здесь готовили советских дипломатических и торговых представителей в странах Востока. Они учили японский, китайский или хинди, а вторым языком у них был английский, который преподавал я.

Аудиторий в институте хватало не более чем для трети студентов. Обычно я являлся за пять минут до начала урока и ждал у входа в институт, пока не соберется моя группа. Затем мы вместе пускались на поиски свободного помещения. Бывало, но редко, нам удавалось обнаружить пустой класс. Иногда мы занимались в кабинете ректора, но чаще всего — в углу столовой. На кухне лично мне проводить занятия не приходилось, но у моих коллег случалось и такое. Потом нужно было раздобыть и ввинтить в патрон лампочку для освещения аудитории. Формально выдавать их было обязанностью швейцара, но поскольку лампочек все время не хватало, каждый раз с ним приходилось подолгу спорить. Когда же наконец мы усаживались, на занятия у нас оставалось не более двух третей из положенных девяноста минут.

Уже тогда существовала так называемая Лига времени — организация, призванная излечить русских от непунктуальности. У лиги сразу же появилось много горячих сторонников, потому что никто сильнее самих русских не корит себя за легкомысленную растрату минут и целых часов. Однажды мой самый пунктуальный студент явился на занятия с сорокапятиминутным опозданием и еще на пороге сказал: «Простите за опоздание, я задержался на заседании Лиги времени». Класс не почувствовал комичности ситуации, пока не заметил, что я улыбаюсь.

Учебников у нас не было, но я упросил своего приятеля в Англии внести вклад в развитие русского образования — присылать мне три раза в месяц по десять номеров газеты «Уикли Манчестер гардиан».

Мне платили по семьдесят копеек в час (примерно шиллинг и четыре пенса), и я пользовался привилегией на студенческие обеды за весьма небольшую плату, которая собиралась раз в месяц. Обед состоял из миски супа и второго блюда, которое мясным было лишь раз в неделю. Для сытости я старался съесть побольше черного хлеба, который был бесплатным. Мы ели из простых металлических мисок, а ложки доставались наиболее удачливым. В те редкие дни, когда в столовой давали мясо, я пускал в ход перочинный нож, и, признаюсь, есть мясо ножом и ложкой было не совсем удобно, но я не обращал внимания на подобные мелочи.

Должен признаться также, что первое время я почти не верил в полезность моей преподавательской работы. Но вскоре один из моих учеников, закончивший трехгодичный курс японского языка, был принят на должность референта-переводчика при разведотделе Генерального штаба. Я знаю, что японский язык очень сложен и в мире найдется немного людей, способных за три года в совершенстве им овладеть. А так как английский язык, на мой взгляд, гораздо проще, этот факт очень поддержал меня в мысли, что и мои старания не напрасны.

Помимо высших учебных заведений, в России существуют так называемые курсы по самым различным дисциплинам. Курсы, на которых мне довелось преподавать, были недавно открыты Наркоматом просвещения для тех, кто уже неплохо знает какой-либо иностранный язык и хочет совершенствоваться в нем. Наши выпускники, как предполагалось, станут квалифицированными переводчиками не только с иностранного языка на русский, но и с русского на иностранный. Сейчас пока рано говорить, одолеют ли курсанты ту сложную программу, какая им предстоит. Ведь учиться им по меньшей мере еще два года. Скажу только, что работать с такой сообразительной и трудолюбивой аудиторией — одно удовольствие. Более того, преподавать в России вообще приятно каждому, кто по-настоящему любит свое дело, поскольку способности студентов необычайно высоки. Они очень внимательны на занятиях, и у вас нет чувства, что они присутствуют на уроке просто по обязанности, которое я часто ощущал у себя на родине.

О том, что жажда знаний — естественное стремление народа, а не навязано, как у нас говорят, «сверху», демонстрируют рабфаки. Первые из них были стихийно сформированы самими рабочими и лишь затем получили поддержку официальных властей. На них учатся фабрично-заводские рабочие, у которых есть желание и способности. Система занятий очная, однако рабфаковцы получают от предприятия стипендию в размере полного заработка, какой у них был прежде. Мне пока не удалось принять участия в этом замечательном движении, однако значительная часть моих студентов в Институте восточных языков получила предварительное образование на рабфаках.

Не буду утомлять читателя детальным описанием всех перемен, происходивших на моих глазах в институте. Достаточно будет рассказать о некоторых из них. Под конец первого года моей работы мы перебрались в другое, гораздо более удобное для занятий здание с большими аудиториями, просторным конференц-залом, приличной библиотекой и огромной столовой с хорошо оборудованной кухней. Платят мне теперь шесть шиллингов за академический час, но поскольку он стал равен 45 минутам, и, кроме того, у меня пятимесячный полностью оплачиваемый отпуск, можно считать, что оплата равняется двадцати шиллингам в час, то есть вполне соответствует оплате в Англии. Наведен порядок с дисциплиной среди студентов — опоздания теперь редки. Нас кормят обедом из трех блюд и снабжают кое-какими продуктами для завтраков и ужинов. Пища хорошо приготовлена, на отсутствие столовых приборов жаловаться не приходится. Снабжение учебниками и периодикой ограничено лишь трудностями доставки их из Англии. Таким образом, я могу резюмировать, что условия работы сейчас заметно приближаются к условиям в английских учебных заведениях, где мне доводилось преподавать.

Перевел с английского
Игорь МОНИЧЕВ

Советский Союз предложил миру новое политическое мышление, столь необходимое в международных отношениях в наш грозный ядерный век. Начало формирования такого мышления было положено в апреле 1985 года на Пленуме ЦК КПСС. На XXVII съезде партии оно получило свое полное выражение: в наше время, когда под угрозой оказалось бессмертие всего человеческого рода, противоборство двух систем — социалистической и капиталистической — возможно только и исключительно в мирном соревновании и соперничестве. Обеспечение безопасности в наши дни, таким образом, стало задачей политической, а не военной. И это все лучше начинают понимать миллионы и миллионы людей на Земле, но упорно не хотят понимать ослепленные корыстью и эгоизмом империалистические силы.

Советский Союз выдвинул стратегию борьбы за полное уничтожение угрозы ядерной войны и вооружений, создающих эту угрозу. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января прошлого года, целый ряд последующих действий нашей страны дали людям надежду.

Советский Союз предложил миру путь переговоров и добился того, что практически все его инициативы стали предметом диалога между государственными деятелями, общественностью, политиками. Встреча на высшем уровне в Рейкьявике была воспринята всеми людьми планеты как важнейший шаг на пути обеспечения мира. И когда открылось, что президент США не только упустил шанс покончить навсегда с ядерной угрозой, отстаивая «стратегическую оборонную инициативу», но и пошел на попятную, отказываясь от собственных слов, многим в мире стало понятно — кто же на самом деле хочет укрепления безопасности, а кому бредовые идеи гегемонизма дороже сохранения жизни на нашей планете.

Если правительство США вопреки здравому смыслу продолжает гонку вооружений, вопреки интересам своего народа продолжает ядерные испытания в то время, когда Советский Союз предоставил Америке вполне достаточно времени, чтобы все обдумать, рассчитать и отказаться от губительных взрывов, то многие простые американцы думают и поступают по-другому. Очерк о пятерых из них, отправившихся на ядерный полигон в штате Невада к эпицентру взрыва, который мы здесь публикуем, свидетельствует об их гражданском мужестве и сулит надежду. Надежду на то, что новое политическое мышление, предложенное СССР и принятое жителями Земли, осилит в конечном счете корысть и эгоизм империализма.

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЭПИЦЕНТРУ ВЗРЫВА

Френк КЛЭНСИ,
американский журналист

На дороге промелькнули застывшие под светом фар кролики. Водитель и шестеро пассажиров сидели затаив дыхание. Семь пар глаз не мигая глядели на огни впереди, словно силой общего желания можно было заставить их исчезнуть. Далеко ли были эти огни? Три, пять, десять миль? В пустыне невозможно определить расстояние, тем более ночью. Рой Янг продолжал гнать машину к авиабазе ВВС США Неллис.

Рядом с огнями, где, вероятно, находилась караульная будка, вдруг вспыхнули, прочертив небо, две пары фар. Сидящие сзади подгоняли Роя: «Быстрее!», «Гони на юг!», «Сверни в кусты!» Рой выскочил на пустую скоростную автостраду и помчался к Лас-Вегасу. Две пары фар догоняли «форд», явно преследуя его. После крутого поворота Рой свернул к каким-то строениям, не обозначенным ни на одной карте, и выключил мотор. Через несколько минут мимо проскочили два белых пикапа. У пассажиров «форда» вырвался вздох облегчения, хотя все понимали, что их план еще может провалиться.

Через тридцать три часа министерство энергетики США должно было провести очередное ядерное испытание в местечке Пэхьют-Меса на одном из отдаленных участков

испытательного полигона в пустыне Невада. Эта бесплодная гористая полоска пустыни почти полностью занята базой Неллис. Мои спутники собирались подъехать почти к самой границе полигона, а потом пешком добраться до «граунд зироу» — эпицентра предполагаемого взрыва — в надежде предотвратить его. Я намерен был идти с ними.

Испытание, запланированное на среду, на шесть часов утра, носило кодовое название «Дарвин». Те, кто надеялся остановить его, именовали себя «гончими».

Ими двигало чувство неизбежности: уже в течение десяти с половиной месяцев Советский Союз соблюдал односторонний мораторий на ядерные испытания (действие очерка происходит в июне 1986 года.— *Ред.*). Конгресс в тот момент рассматривал законопроект о временном прекращении испытаний в Соединенных Штатах. Но администрация Рейгана отказывалась присоединиться к мораторию, и создатели новых видов вооружений, судя по последним данным, форсировали испытания.

Дорога, с которой нас спугнули, шла по территории базы и обрывалась на расстоянии всего лишь пяти миль от эпицентра готовившегося взрыва. Мы продумали и другой путь — по грязной дороге вдоль противоположного склона холма. Найти ее было легко, но ехать здесь оказалось гораздо труднее, и мы поняли, что фары нашей машины видны издалека. Решили подождать, когда появится луна, чтобы продвигаться при ее свете.

Пока мы ждали, со стороны авиабазы к нам подъехал белый пикап. Полицейский из специального подразделения, охраняющего полигон, задал несколько вопросов. Мы объяснили, что путешествуем все вместе, остановились здесь совсем ненадолго. Охранник повернул обратно, но мы поняли, что он следит за нами. Теперь и эта дорога тоже была закрыта для нас. Неужели нас кто-то предал?

Мы съехали в густую полынь и стали изучать карты в поисках третьего пути к «граунд зироу».

Большинство из нас, американцев, живет, стараясь не думать о ядерном оружии. Мы считаем его чем-то немыслимым, его потенциальную разрушительную силу человек не способен даже представить. Но сейчас передо мной были люди, которые размышляли о немыслимом. Они пытались достичь места подземного взрыва, чтобы предложить себя самих в качестве заложников. Возможно, эта идея кажется безумной и самоубийственной, но она поражает воображение: она предлагает путь, с помощью которого простые люди могут выразить волю большинства, еще не решившегося на противодействие.

Пятеро «гончих» должны были пробраться на территорию полигона: Китти Мика, сорока одного года, психолог, работает в университете Колорадо; Джим Нельсон, тридцати одного года, шлифовщик хрусталя; Марсиа Клотц, двадцати пяти лет, студентка; Стив Тейлор, тридцати девяти лет, менеджер; Рой Янг, тридцати восьми лет, владелец антикварной лавки. Шестой член группы, которого все звали просто Кресент, тридцати четырех лет, остался в Лас-Вегасе. Ему предстояло поддерживать связь с ведомством при министерстве энергетики США в Неваде, которое руководит операциями на полигоне. Чарли Хилфенхаус, член добровольной организации, помогающей участникам мирных акций протеста, должен был вернуть взятую напрокат машину в городской гараж.

С помощью карт «гончие» быстро выбрали новую дорогу — несколько троп, проложенных военными «джипами». Эти тропы ведут к «граунд зироу» с запада и прерываются на расстоянии 15 миль от него. В нормальных условиях тоже довольно дальняя прогулка. Но нам предстояло преодолеть эти мили ночью, в пустыне, неся по пять галлонов воды на каждого. К тому же подгоняло время. Было уже почти 11 часов, а Чарли предстояло отогнать машину подальше от полигона еще до наступления рассвета.

В два тридцать ночи во вторник, за 28 часов до запланированного взрыва под кодовым названием «Дарвин», «гончие» расстались с Чарли, он повел машину в Лас-Вегас. Потом мы встали на несколько секунд в круг, держась за руки. Было страшно: теперь вернуться назад было бы так же трудно, как идти вперед.

Несмотря на все сбои, план «гончих» казался безупречным. В среду перед самым взрывом Кресент сообщает в министерство энергетики, что группа противников ядерных испытаний движется по направлению к «граунд зироу». На рассвете две женщины — Китти и Марсиа — направляются к эпицентру взрыва. Там их обязательно должна заметить и задержать служба безопасности. После ареста Китти и Марсиа заявят, что в пустыне остались их спутники. Тогда министерству энергетики поневоле придется отложить испытание «Дарвин».

Между тем Стив и Джим спрячутся на базе Неллис у входа в каньон, на расстоянии мили от полигона и трех с половиной миль от эпицентра взрыва. Они укроются от вертолетов среди скал. А утром в четверг и они отправятся к точке «граунд зироу», вынуждая представителей власти еще раз отсрочить взрыв.

В течение этих двух дней мы с Роем должны скрываться в другой части каньона, примерно на таком же расстоянии от эпицентра. В пятницу мы тоже придем в местечко Пэхьют-Меса, к отметке «граунд зироу», и тоже будем арестованы. К тому времени, надеялись «гончие», их проникновение на полигон станет достоянием гласности.

6 августа 1985 года, в 40-ю годовщину атомной бомбардировки Хиросимы, Советский Союз в одностороннем порядке прекратил все ядерные испытания. В Колорадо «гончие» встречали многих людей, которые ничего не слышали о советском моратории. Своим протестом они хотели привлечь внимание американцев к советской инициативе. Как сообщала «Нью-Йорк таймс», ученые из Лос-Аламосской атомной лаборатории считают, что для усовершенствования одного-единственного ядерного устройства «третьего поколения» понадобится провести от ста до двухсот взрывов. Без испытаний, заявляют официальные лица, было бы невозможно гарантировать эффективность нового оружия или надежность старого.

В дни, предшествовавшие испытанию «Могучий дуб», полицейская служба министерства энергетики арестовала 103 демонстранта, из них 14 удалось пройти в глубь невадского испытательного полигона. Тогда впервые за многие годы активисты антивоенного движения применили эту тактику. Одному из них удалось приблизиться к точке «граунд зироу» на расстояние трех миль. Министерству энергетики в тот раз пришлось отложить испытание, а публике было объявлено, что причина двухдневной задержки — сильные ветры. (Правительство утверждает, что подземные испытания абсолютно безопасны. Тем не менее, опасаясь утечки радиации, их все же не проводят, если ветер дует в сторону Лас-Вегаса или Лос-Анджелеса.) Теперь «гончие» и их друзья шутят, что они и есть ветер.

Во вторник мы проснулись в шесть часов утра, поспав совсем немного. Нас ждал долгий день бездействия и ожидания: из-за жары и опасности быть замеченными мы могли двигаться только после захода солнца. В тот день мы часто шутили, смеялись, хотя вполне осознавали рискованность нашей акции. Полицейские, подчиненные министерству энергетики, вооружены до зубов. Один из чиновников министерства заявил, его цитировали многие газеты, что все, кто проник на территорию полигона, подозреваются в терроризме. И охранникам предписано «стрелять, чтобы убить", если им покажется, будто кто-то пытается похитить ядерное оружие. Существовала и угроза облучения: до того, как были запрещены в 1963 году ядерные испытания в атмосфере, США провели более ста таких испытаний в этой пустыне. А сам взрыв бомбы вызовет колоссальное сотрясение земной поверхности. Не исключена и возможность утечки радиации. Менее пугающими — оттого, возможно, что они всем известны и порождены не человеком,— казались обычные опасности пустыни: гремучие змеи, жара, нехватка воды.

Китти Мика почти весь день читала «Сто лет одиночества» Габриэля Маркеса. Марсиа готовилась к экзаменам, а потому взяла с собой «Фауста» Гёте на немецком языке (она учится на немецком отделении). Рой Янг, Джим и я прятались в тени огромной скалы. Наших предшественников служба безопасности чаще всего засекала с вертолетов, поэтому их мы боялись больше всего. «А что, если министерство энергетики решит взорвать ядерную бомбу,

хотя мы и здесь?» — спросила Китти. Никто из нас не ответил. Мы находились уже слишком близко к эпицентру взрыва. Правительство, верили мы, не позволит подвергать риску наши жизни.

После захода солнца мы тронулись в путь. До взрыва «Дарвин» оставалось десять часов. Идти по песку было все так же трудно, и двигались мы медленно. Наткнулись на свежий след от «джипа» — может быть, полицейские искали нас? Было темно, но мы все равно прятались среди камней и скал, когда самолет летел на небольшой высоте. Дважды мы сбивались с тропы, теряя силы и время.

Мы прошли вдоль каньона еще семь миль. Часто останавливались отдохнуть. Третью ночь подряд «гончие» практически не спали. В среду, в половине четвертого утра, на расстоянии мили от входа в каньон Рой и я нашли место, где нам предстояло скрываться до пятницы. Прежде чем расстаться, мы обнялись и пожелали удачи Китти и Марсии. До взрыва оставалось два с половиной часа. Мы прибыли на место точно по плану.

Около шести часов утра нас разбудил стрекот вертолета. К этому времени Кресент должен был уже связаться с министерством. А значит, служба безопасности начала искать нас. По дешевенькому приемнику, связывавшему нас с внешним миром, послушали новости и узнали, что взрыв «Дарвин», как мы и ожидали, отложен якобы из-за ветра. Там, где находились мы, никакого ветра не было. Сообщений об арестах активистов антивоенного движения не передавали.

Простившись с нами, Джим, Стив, Китти и Марсиа еще с полчаса шли вместе. Потом они расстались — дальше женщинам надо было идти одним. Планировалось, что они пройдут милю к северу, а затем свернут на восток и дойдут по грязной заброшенной дороге до Пэхьют-Меса. Предполагалось, что их арестуют не позже, чем через два часа, а потому они не взяли ни карты, ни фонарика и совсем немного воды. Идя по пустыне при свете луны, Китти и Марсиа так и не смогли найти дороги, ведущей к «граунд зироу».

Около шести часов — именно на это время назначен был взрыв «Дарвин» — в нескольких милях от них кружился вертолет. Китти и Марсиа отчаянно хотели, чтобы их заметили — испытание было бы приостановлено, а сами они спасены. Они натянули на себя яркие голубые рубашки, разожгли костер. В тот самый час, на который намечено было ядерное испытание, две женщины стояли на гребне горы, всего в двух-трех милях от эпицентра взрыва, и делали все возможное, чтобы привлечь внимание службы безопасности министерства энергетики США. Ничего не вышло. Они впали в отчаяние.

Марсиа знала, что люди, погибающие от мороза, засыпают глубоко и спокойно и смерть их не бывает мучительной. А смерть в пустыне? «Я совершенно примирилась с мыслью о смерти»,— вспоминала она потом. А еще она думала, принесет ли их смерть хоть какую-то пользу?

В девять утра Китти и Марсиа решили попытаться дойти до каньона, где остались Джим и Стив. У них, по крайней мере, было достаточно воды, чтобы продержаться еще пару дней. В половине одиннадцатого они добрались до входа в каньон. Они не спали 28 часов, за пять часов выпили всего несколько глотков воды. Теперь все четверо тревожились о том, что, не обнаружив следов нашего присутствия вблизи «граунд зироу», министерство энергетики проведет испытание «Дарвин».

25 июня 1986 года, в среду, в час двадцать семь минут дня, министерство энергетики Соединенных Штатов послало электрический заряд на глубину 1800 футов под поверхность местечка Пэхьют-Меса. За какие-то доли секунды сработала бомба с кодовым названием «Дарвин» — мощность ее в четыре раза превышала мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму.

В тот момент примерно в трех с половиной милях от эпицентра взрыва Стив Тейлор и Джим Нельсон возвращались к каньону после очередной безуспешной попытки привлечь внимание пролетавшего мимо вертолета. Впервые за 32 часа Китти Мика спала в небольшой пещерке. Марсиа Клотц просто отдыхала. На расстоянии мили к югу от них только что уснул Рой Янг. Я лежал, свернувшись калачиком, в нескольких шагах от него.

Вдруг на несколько мгновений, показавшихся нам вечностью, мир задрожал. Уголок земли, в котором мы были, стал лодчонкой в штормовом море. С тех пор прошел уже не один месяц, но воспоминание о страшных мгновениях преследует меня, как кошмар. Стив сравнил все это с подземной волной: «Она накатила на меня сзади и приподняла. Я не видел приближения этой волны, но наблюдал, как она уходила. Я глядел, как земля приподнималась, пока волна не дошла до конца каньона». Джим помнит глухой гул, потом «невероятный грохот... Земля тряслась, как в агонии».

Марсиа не спала в те минуты. «Вдруг утес, на котором я лежала, начало швырять вперед-назад,— вспоминала она.— Я слышала, как падали вокруг камни. Попыталась встать, но земля качалась слишком сильно. Я ничего не могла поделать. Все вокруг плыло и качалось».

В полумиле мы увидели две гигантские тучи пыли, поднятые падавшими камнями. Стоя под палящим солнцем, Рой дрожал как в лихорадке и кричал в отчаянии: «Они будут по-прежнему взрывать их! И плевать им на мораторий! Плевать, что здесь люди!.. Что ж еще могли мы сделать?!»

Я прожил в Калифорнии семь лет и был свидетелем многих землетрясений. Но мне никогда не приходилось переживать ничего подобного. И мы знали, что это сотрясение земли не было рождено силами природы. Мы испытали на себе мощь и безумие, которые могут однажды уничтожить человеческую жизнь, всю нашу планету. Как мир после Хиросимы, мы стали другими — навсегда.

Если и существовало сколько-нибудь существенное различие между мной, журналистом, и «гончими», оно почти исчезло после взрыва бомбы по имени «Дарвин». Мы вместе заглянули в бездну, которая может стать концом человеческой истории. Это событие совершенно изменило нас и наши представления о ядерном оружии. Оно сковало нас крепчайшими узами. Может быть, я не увижу этих людей долгие годы, но связь между нами сохранится, потому что она вне времени и пространства, она выше дружбы.

Америке не хватает настоящих героев. А потому велик соблазн объявить героями «гончих». Но тогда утрачен будет один важнейший момент. Конечно, они проявили истинное мужество. И все же самое замечательное в этих людях — их обыкновенность.

Марсиа и Джим никогда не подвергались аресту. Китти в пятницу, менее чем через сутки после путешествия к «граунд зироу», приступила к работе. Вновь открыл свою лавку Рой, и остальные тоже вскоре вернулись к своей обычной жизни.

Зачем все они рисковали собой, чтобы проникнуть на невадский полигон? И стоила ли игра свеч? Сами «гончие» отвечают по-разному. «Было такое чувство, что другого выхода просто нет. Что я должен быть там»,— говорит Джим. «Опасность, которой мы подвергались,— размышляет Рой,— в сущности, очень мала по сравнению с тем, на что все мы обрекаем себя, если гонка вооружений продлится». Стив часто говорит о том, что вторжение на полигон доказало главное — люди не бессильны. В конце июня 1986 года безжалостная военная машина на семь с половиной часов «забуксовала» благодаря протесту самых обычных граждан Америки.

Кстати, полтора месяца спустя после испытания «Дарвин» министерство энергетики заявило, что служба безопасности не станет больше искать участников акций протеста, находящихся вблизи «граунд зироу». «Если они настолько глупы, что подвергают себя опасности,— говорилось в заявлении,— то нас это не касается».

Вернувшись домой, «гончие» рассказывали самым разным людям историю своих блужданий в пустыне, историю бомбы. Потом они участвовали в других антивоенных акциях. Многие подробности событий на полигоне в Неваде стали забываться. Но чудовищное сотрясение земли, неистовство взорвавшейся ядерной бомбы — это воспоминание останется в них — и во мне — навсегда.

Сокращенный перевод с английского С. ФЕДОРИНОЙ

ЖИВОЙ ДУХ НЕИСТОВОГО КОНЯ

Питер МАТТИСЕН,
американский писатель

(ИЗ ИСТОРИИ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ ЛЕОНАРДА ПЕЛТИЕРА)

Книга «Живой дух Неистового Коня» американского писателя Питера Маттисена посвящена видному руководителю организации Движение американских индейцев (ДАИ) Леонарду Пелтиеру. Сейчас он отбывает два пожизненных заключения в тюрьме строгого режима города Ливенуорт. В 1977 году по сфабрикованному обвинению суд признал его виновным в убийстве двух агентов ФБР. На самом деле Пелтиера упрятали за решетку потому, что он боролся за попранные права коренного населения Американского континента.

Адвокатам Л. Пелтиера удалось собрать доказательства его невиновности. Но, несмотря на это, в сентябре 1986 года федеральный окружной апелляционный суд в Сент-Луисе отказался разрешить новое судебное разбирательство по делу Пелтиера.

Леонард Пелтиер и его соратники из Движения американских индейцев верны духу Неистового Коня — выдающегося вождя индейцев сиу, который сражался во второй половине прошлого века против американской армии и не раз побеждал ее.

Фрагменты из книги «Живой дух Неистового Коня», которые мы здесь публикуем, показывают, как формировался характер и взгляды Леонарда Пелтиера, из каких источников он черпает мужество, позволяющее ему выстоять в борьбе с угнетателями своего народа.

Леонард Пелтиер родился 12 сентября 1944 года в городе Гранд-Форкс, штат Северная Дакота. Он рассказывает, что это было «в сезон сбора урожая, когда вся семья от мала до велика обычно покидала резервацию Тэртл-Маунтин, направляясь в долину реки Ред-Ривер работать на картофельных полях. В те времена картошку копали вручную, и наши индейцы подряжались на эти работы, получая по три-четыре цента за бушель. Когда я немножко подрос и стал работать наравне с остальными, мне поручали идти впереди и обтрясать клубни, что ускоряло дело».

Бабушка Пелтиера по материнской линии чистокровная сиу, отец — на три четверти оджибва и на четверть француз. Леонард вспоминает: «И отец мой, Лео, и дядя, Эрнест Пелтиер, служили в армии. Дядя погиб в Германии во время второй мировой войны, а отец вернулся с пулевым ранением обеих ног. Когда мне было четыре года, родители разошлись. Мы с младшей сестренкой Бетти Энн стали жить у деда с бабушкой — Алекса и Мэри Пелтиер. Тогда многие старые индейцы еще растили своих внуков. Так велось издавна, и некоторые племена до сих поддерживают эту традицию. В резервации Тэртл-Маунтин наши земли находились близ городка Белкорт. Здесь на сорока акрах поросшей кустарником холмистой местности дед с помощью моих дядей построил небольшое ранчо, где держал коров, лошадей, поросят и кур.

Помню, как-то зимой мы отправились с бабушкой в город за покупками. Прежде чем войти в магазин, бабушка сказала: «Только не трогай ничего, а то больше в город не поедешь».— «Ну что ж,— подумал я,— засуну руки в карманы». Так, с руками в карманах, я выдержал примерку ботинок. А когда бабушка расплачивалась, а я разглядывал все вокруг, вытаращив глаза, хозяин магазина спросил: «Что у тебя в карманах?» Ох и струсил же я! Ведь бабушка предупредила, если что-нибудь случится, меня больше не возьмут в город. Я застыл. Когда бабушка поняла, что хозяин хочет меня обыскать, она велела мне вывернуть карманы. Я стоял как вкопанный. Тогда бабушка шлепнула меня раз-другой. Я вывернул карманы. Конечно же, там не было ничего, кроме обычной ерунды, которую мальчишки таскают с собой. Больше я в город не просился: не шибко удачным оказывалось для меня общение с этими белыми.

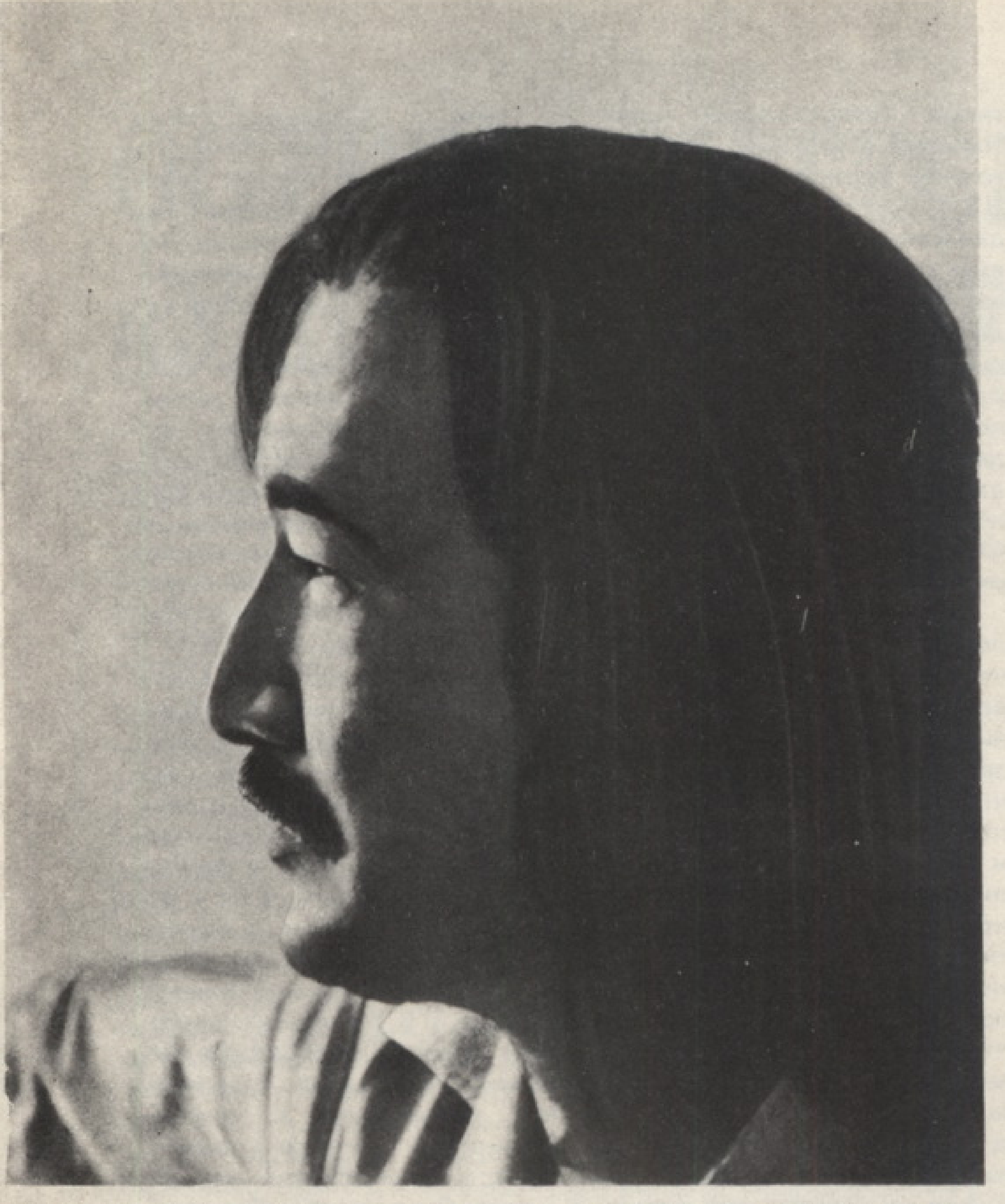
Бывало, ходили мы и на распродажи одежды, организуемые каждую неделю монахинями в Белкортской католической миссии. Индейцы называли день распродажи Днем узлов, потому что продавали там в основном старое тряпье по 25 центов за узел. Женщины с удовольствием покупали такое тряпье и делали из него стеганые одеяла. Многие из нас, ребят, ходили в школу при миссии, и все мы ненавидели монахинь, ох и злые же они были! К тому времени мне исполнилось лет семь или восемь, и я начинал понимать, что такое ненависть и расизм. Казалось, что все белые ненавидят нас, и сам я начинал испытывать такую же ненависть.

Каждый день, после того, как, натаскав дров и воды, я разделывался со своими обязанностями по хозяйству, мы с ребятами шли на какое-нибудь озеро купаться. Озера эти находились всего в одной-двух милях от дома, но нам представлялось, что мы отправляемся в далекий поход: натачивали перочинные ножи, набивали карманы камешками для рогаток и только тогда пускались в путь. Если нам удавалось подстрелить какую-нибудь птицу, мы съедали ее после купания, зажарив на костре. Ну и, конечно же, мы заходили в ягодник и лакомились поспевшими к тому времени плодами. Для нас, детворы, летние месяцы были самыми благодатными, ведь Мать-природа дарила нам столько всякой снеди. А зима была самым тяжелым временем.

Год спустя после дедушкиной смерти к нашему дому подъехала машина. Я играл во дворе и видел, как бабушка расплакалась и ушла в дом. Оттуда она позвала нас и сказала, что за нами приехали из Уопетонской индейской школы. Бабушка собрала наши вещи в узел (ведь чемоданов у нас не было), и мы поехали в город Уопетон, штат Северная Дакота.

В школе нас, мальчиков, построили по-военному и повели строем в общежитие на обработку. Из строя вызывали по имени, вели в парикмахерскую и стригли по-солдатски. Потом нас раздевали и обсыпали ДДТ, после чего мы возвращались в строй и ждали своей очереди отправиться в душ.

Мне, выросшему в крайней нужде, довольно трудно верно охарактеризовать наше положение в школе. С одной стороны, дисциплина поддерживалась палочными методами, но спали мы в чистых постелях и кормили нас ре-

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В США
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

гулярно. Я и сестры очень сблизились, ведь мы были единственными родными людьми друг для друга. А по ночам, лежа в постели, я часто думал: что же такое случилось? Казалось, что со смертью деда рухнул весь наш устоявшийся мир».

Пелтиер вспоминает, как подростком он впервые попал на индейское собрание. «Я вошел и увидел, что старая индианка — это была моя родственница Силия Декото — поднялась со своего места и со слезами на глазах стала умолять о помощи, потому что дома у нее дети умирали от голода. Она спросила: неужели среди наших мужчин не осталось больше воинов? А если они еще есть, то почему они не поднимаются на борьбу за своих голодающих детей? В тот день я очень многое понял и поклялся, что до конца дней своих буду помогать моему народу. Я стал докапываться до причин того, почему нас не нанимают на работу и почему у нас никогда нет вдоволь пищи».

В 1970 году Леонард Пелтиер принял участие в захвате форта Лотон на окраине Сиэтла. Этот форт, как и остров Алькатрас [1], значился в числе «излишков» федеральных земель, что по закону давало индейцам право первыми заявить на них свои требования.

Леонард рассказывает: «К нам много раз приезжали индейцы с Алькатраса и предостерегали от повторения своих ошибок».

В форте Лотон Пелтиер познакомился с одним из активистов чиканос (американцев мексиканского происхождения) из Техаса по имени Роке Дуэньяс, который хорошо помнит, как все четырнадцать человек, арестованных в форте, были избиты полицейскими во время ареста. Затем их вновь избили, распихивая по камерам. Дуэньяс помнит, что Пелтиер, когда его наконец освободили, отказался покинуть тюрьму, пока и все остальные не будут освобождены. «Леонард уже тогда был лидером,— вспоминает Дуэньяс.— Во время выступления в форте Лотон он держался скромно, просто делал, что мог. Он впервые участвовал в подобном выступлении, да и большинство из нас, мне кажется, тоже впервые поднялись на борьбу. Мы еще не успели избавиться от состояния благоговейного трепета перед тем великим шагом, на который мы осмелились. Когда нас выпускали из тюрьмы, мы заметили, что одного парня, который поносил военную полицию на чем свет стоит, среди нас нет. Ну, некоторые наши поняли, чем пахнет, а Леонард тут же выступил вперед. Он велел нам держаться вместе и заявил, что ни один из нас не тронется с места, пока этого парня не отпустят. Леонард всегда предпочитал действовать быстро и решительно, пока дело не успело слишком осложниться».

В 1972 году Движение американских индейцев предприняло марш под названием «Тропа нарушенных договоров». Участвовал в нем и Пелтиер. Завершение марша в Вашингтоне было приурочено к президентским выборам 1972 года. Караван машин из Сан-Франциско, растянувшийся на четыре мили, въехал в столицу рано утром как раз накануне дня выборов.

Ни у президента, ни у вице-президента, конечно, не нашлось времени, чтобы встретиться с представителями индейских племен. В ответ на свои требования участники марша получили лишь обычные демагогические заверения и пустые обещания.

После марша «Тропа нарушенных договоров» ФБР классифицировало ДАИ как «экстремистскую организацию», и руководители марша были включены в список «отъявленных экстремистов». ФБР разработало секретную программу «нейтрализации» лидеров ДАИ.

Ничего не подозревавший о заговоре охранки против ДАИ, Леонард Пелтиер и двое его друзей индейцев зашли однажды в «Техасский ресторан». Здесь ни с того ни с сего их стали задирать два незнакомых человека. «Эти двое за соседним столиком (мы не знали еще, что это полицейские в штатском) поворачивались в нашу сторону, показывали на нас пальцами и прямо-таки лопались от смеха. А когда я расплатился и направился к выходу, гляжу — они уже стоят в дверях, явно поджидая нас, и опять указывают в нашу сторону и гогочут. Тогда я говорю им: «Какого черта вы ржете?» И тут, не успели мы глазом моргнуть, как они выхватили свои револьверы (у одного он был пристегнут к ноге) и наставили на нас. Громадные такие самопалы: когда тот, что был в черном кожаном пиджаке, приставил свою штуковину к моей голове, мне показалось, что на меня уставилось жерло пушки».

Рассказывая об этом, Пелтиер поднимает брови и горько усмехается, качая головой. «Я стал быстро отступать обратно в ресторан, надеясь, что при свидетелях меня не убьют. Оказавшись в зале, я громко сказал: «Ладно, сдаюсь!» На меня надели наручники, поволокли на улицу и запихнули в полицейскую машину, которая, оказывается, уже ждала у выхода. В машине один из полицейских, по имени Хлавинка, начал меня бить. В заварухе у меня разорвался пиджак, и эта старая штуковина вывалилась. Черт! Ведь этот старый сломанный пистолет марки «Беретта» даже не стрелял, я только что купил его у одного парня, дал ему двадцатку по дружбе. «Только оружия и не хватало! — подумал я.— Сейчас пришьют покушение на убийство!» И правда, оба полицейских с остервенением вновь накинулись на меня. Особенно усердствовал Хлавинка. Наконец второй, Джеймс Эккель, тот, что потом в суде признал, что пнул меня «четыре или пять раз», когда я лежал в наручниках в машине, попробовал урезонить своего напарника, да куда там...

Когда меня привезли в тюрьму, один из полицейских-негров шепнул мне: «Мы знаем, в чем ты замешан; твой народ, как и мой,

---

[1] *Остров Алькатрас в заливе Сан-Франциско, после того как закрылась находившаяся на нем федеральная тюрьма, был занят индейцами, которые хотели создать там свой культурный центр, но в конце концов были изгнаны властями, продержавшись на острове с 19 ноября 1969 года по 11 июля 1971 года — Прим. пер.*

имеет все основания для недовольства в этой стране». Раз он знал, в чем я замешан, то это знали и провокаторы, затеявшие потасовку в ресторане».

На следствии полицейский Хлавинка заявил, что Пелтиер выхватил заряженный пистолет и дважды нажал на спусковой крючок, пытаясь выстрелить в него; пистолет дал осечку, утверждал он, и тут на подмогу подоспел Эккель. Полицейскому Эккелю была торжественно объявлена благодарность за спасение жизни Хлавинки, хотя криминалистическая лаборатория штата пришла к выводу, что «Беретта» «не может производить выстрелы».

В конце концов заявление Пелтиера о том, что он жертва провокации, подстроенной полицией, подтвердилось показаниями других свидетелей сцены, разыгравшейся в ресторане. И тем не менее Пелтиер провел в тюрьме пять месяцев, прежде чем милуокское ДАИ смогло собрать необходимую сумму для уплаты залога. Не видя смысла ждать справедливости от суда, где словам индейца, члена ДАИ, будут противопоставлены показания двух полицейских, Пелтиер вскоре после освобождения под залог ушел в подполье.

26 июня 1975 года в перестрелке в резервации Пайн-Ридж, спровоцированной ФБР, погибли два агента американской охранки. Это убийство власти решили приписать Леонарду Пелтиеру. Теперь лидер ДАИ вынужден был искать политическое убежище в Канаде...

Шестого февраля 1976 года инспектору Канадской королевской конной полиции Эдварду Митчеллу приказали срочно отправиться в Хинтон и заняться поисками «некоего мистера Пелтиера». Доносчик точно указал полиции адрес. В тот же день Пелтиер был схвачен. В ожидании судебных слушаний его содержали в тюрьме Окалла под Ванкувером в полной изоляции от остальных заключенных.

Родственники, друзья и даже адвокаты, пытавшиеся помочь Леонарду, столкнулись с произволом канадских властей. Страну в те годы сотрясала лихорадка антииндейских настроений. Канада стремилась как можно скорее избавиться от Пелтиера, который, по мнению властей, мог стать организатором движения сопротивления канадских индейцев, которые видели в нем борца и за свои интересы. Уже находившийся в тюрьме Пелтиер был принят в общину племени квакиутль с канадского острова Ванкувер. Индейцы выделили ему участок земли и нарекли именем Гуарт-иласс — Предводитель Народа.

Чтобы избавиться от беспокойного политического беженца из США, а заодно угодить могущественному соседу, требовавшему выдачи Пелтиера, канадские власти предприняли попытку представить его «опасным уголовным преступником». Всякий раз, прежде чем вывести Пелтиера из камеры, его обыскивали с демонстративной тщательностью и надевали на руки и ноги кандалы, хотя зал судебных заседаний находился буквально в двух шагах. Первое, что слышали каждое утро присутствовавшие на ванкуверском судилище, было бряцание цепей по лестнице, ведущей от тюремных камер к скамье подсудимых. Ванкуверская газета «Сан» так описывала организацию слушаний: «Это, несомненно, одно из самых небывалых событий в истории судебных процессов в нашей стране... Входящих в здание суда ставят к стене, заставляют расставить руки и ноги и обыскивают. Заглядывают даже в ботинки, перетряхивают пиджаки. С сумочками входить не разрешают. И это канадский суд? Да, это канадский суд, который «попросили» вынести решение по вопросу внутренней политики другой страны».

Несмотря на грубый произвол, чинимый властями, большой группе индейцев, живущих по обе стороны границы, удалось собраться в Ванкувере. Координацией их действий занимались двоюродный брат Леонарда Стив Робидо и Расс Реднер. «Каждый день мы устраивали внушительное шествие к зданию суда,— рассказывает Робидо.— Зал заседаний всегда был полон индейцами. Мы обсуждали проблемы, которые нас волновали, и нам удалось по-настоящему сплотить индейцев Канады, поэтому-то власти обрушивались на нас так яростно».

На слушаниях адвокаты, друзья и родственники Пелтиера представили свидетельства о том, что ФБР постоянно преследует членов ДАИ и что жизнь Леонарда окажется в опасности, если ему не предоставят политического убежища. Но надежды Пелтиера избежать выдачи американским властям разбились вдребезги после неожиданного появления двух документов, в которых лжесвидетели указывали на него как на убийцу агентов ФБР Коулера и Уильямса в резервации Пайн-Ридж.

Пелтиер в своем выступлении пытался убедить суд, что он не преступник, а жертва тех, кто, не брезгуя никакими средствами, стремится завладеть землями индейцев, что он фактически является политическим заключенным и вправе рассчитывать на политическое убежище. В одном из писем, написанных в тюрьме Окалла, он, в частности, заявлял: «Единственная моя вина состоит в том, что я пытался помогать моему народу. Вполне возможно, что только за это я проведу всю оставшуюся жизнь в американской тюрьме. И так будет не потому, что я виновен, а потому, что в Северной Дакоте мне не видать справедливого суда».

Как вспоминает Стив Робидо, когда вошел судья и велел Леонарду встать перед оглашением решения суда присяжных, встали все мы, индейцы, потому что это был приговор и для всего индейского народа. Судья разозлился. «Когда я говорю, чтобы встал подсудимый,— вскричал он,— это не значит, что должны встать все! А нука очистите зал!» Люди запели песню ДАИ. Двигаясь к выходу, мы не торопились. Видя нашу медлительность, полицейские стали выпихивать нас через узкие двери в конце галереи. Сперва один, а потом и все остальные обрушились на нас. Они лупили своими дубинками наших женщин, я не говорю уже о мужчинах». Когда зал был очищен, судья объявил, что для выдачи преступника было представлено достаточно оснований.

В течение следующих нескольких месяцев адвокаты Пелтиера занимались обжалованием решения суда. Но их усилия оказались тщетными...

Перевел с английского
А. НАТАРОВ

Во Франции среди некоторых молодых людей бытует мнение, что наркотики, получаемые из конопли, гашиш, марихуана относительно безвредны. А как на самом деле?

— В таком нелепом мнении отчасти виновата медицина. Ей потребовалось десять лет, чтобы исследовать все аспекты воздействия этих наркотиков на организм. И причина не в том, что эти исследования технически трудны, долгое время они считались просто ненужными.

Теперь у нас есть основания доказательно говорить об активном канцерогенном воздействии химических веществ, содержащихся в этих наркотиках, поражении легких и сердца. Есть и другая грозная опасность, и не в отдаленном будущем, а немедленная: попадание в организм самой незначительной порции ТГК (активного вещества конопли) мгновенно вызывает нарушение сознания, что выражается в кратковременной потере памяти, то есть способности нашего мозга быстро обрабатывать поступающую в него информацию и моментально реагировать на нее. В сочетании с расстройством психомоторной функции это приводит к неспособности ориентироваться в пространстве и окружающем мире.

— Но это, как вы сказали, кратковременные эффекты.

— Но все же их длительность вполне достаточна для того, чтобы произошла катастрофа. Например, в Калифорнии 20 процентов дорожных происшествий были связаны с употреблением наркотиков. Но и 20 процентов погибших на дорогах пешеходов еще не все по сравнению с тем, какие жертвы требуют наркотики. Их употребление вызывает хроническое действие, сказывающееся на фундаментальных функциях организма, я имею в виду функции деторождения и работу мозга. В США, в частности, были проведены исследования подростков, которые систематически употребляли продукты переработки конопли. Так вот, у этих молодых людей — а они были убеждены в безвредности своей «забавы» и снисходительно посмеивались над врачами — было обнаружено преобладание(!) ненормальных сперматозоидных форм.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ОКАЗАТЬСЯ «УДОБНОЙ» ЖЕРТВОЙ!

В январе «Ровесник» опубликовал документальный рассказ о трагической судьбе французской девушки, пристрастившейся к наркотикам. В этом номере вниманию читателей предлагается интервью с директором Национального института здравоохранения и медицинских исследований Франции профессором Габриэлем Наасом о непоправимом губительном воздействии на организм и личность молодого человека любых наркотиков и неправомерности деления наркотических средств на более и менее вредные.

Оказалось, что воздействие этих наркотиков на организм переносится и на последующие поколения, и в каких уродливых формах оно проявится, предугадать невозможно. На детородной функции организма девушек эффект воздействия ТГК сказывается еще более четко, поскольку эта функция женского организма в большей степени, чем у мужчин, контролируется программой мозга. Он определяет цикл, в период которого должна развиваться зародышевая клетка для того, чтобы иметь возможность быть оплодотворенной. Дальнейшие опыты проводились на животных, были обнаружены многосторонние поражения организма. Так, у самок, получивших дозу ТГК, отмечено рождение анормального потомства, у которого с развитием также выявлялись нарушения функций деторождения, и что еще страшнее — нарушения всей гормональной системы.

ТГК — маслянистая субстанция, имеющая свойство накапливаться в организме. Скопление ее в тканях мозга вызывает стойкое нарушение его работы, что выражается в поведении наркомана. Синдром такого поражения мозга описан в медицинской литературе: подростки кажутся удовлетворенными почти растительным существованием, в котором воображаемое подменяет реальное; у них наблюдается тенденция потери интереса к себе и окружающей их жизни. В Соединенных Штатах этот синдром получил у школьников название «самовыжигание» — самоустранение от жизни.

— Но ради каких «физических» ощущений употребляются наркотики?

— Медики сегодня все больше соглашаются с тем, что психологи начала века были правы, говоря, что токсические вещества, вызывая немедленные ощущения удовлетворенности, изменяют механизм возникновения ощущений отрицательных. Вот те две основные причины, которые влекут к употреблению наркотиков. Нейрофизиологами впоследствии было доказано, что вообще в основе всех «приятных» ощущений лежит деятельность мозга и что наркотики стимулируют определенную зону его коры, ту, которая «ответственна» за состояние удовольствия. Естественно, чем сильнее наркотик, тем сильнее стимулируется эта зона. Поведение наркомана настолько зависит от этого ощущения сиюминутного удовольствия, что заставить его **осмыслить** грозящую ему опасность невозможно.

— Поэтому молодой человек является самой «удобной» жертвой наркомании?

— Да, его мозг еще не обрел своей, как говорят, структуры. Он ищет удовольствий в обход своих возможностей. Молодой человек еще не знает, что́ в жизни приносит удовлетворение, не знает, что, как правило, все удовольствия в жизни требуют затраты усилий.

— Наркотики становятся теперь все более разнообразными. Вместе с тем их употребление распространилось уже и на детей.

— В США зарегистрированы факты употребления наркотиков, вырабатываемых из конопли, 12-летними. Опасность в том, что у ТГК есть свойство — этот факт научно доказан,— так сказать, эскалации наркомании. Статистикой этот факт подтверждается: только один процент употребляющих сильнодействующие наркотики не начинали с употребления гашиша и марихуаны. Это очень серьезно.

— Проблема, по сути, социальная и политическая?

— Именно так. В США сейчас утверждается, особенно в среде рабочих, такая позиция: «Мы не хотим наркотиков, они убивают наших детей». В наше время для такой позиции нужна политическая воля и поддержка средств массовой информации. Именно такое единодушие есть в странах Восточной Европы. В социалистических странах заметили главное: несовместимость употребления наркотиков с социальной ответственностью каждого гражданина перед обществом.

— Последний аспект этой проблемы: чтобы преградить путь эпидемии наркомании, нужна, как вы сказали, политическая воля. Одновременно люди хотят четко представлять, с каким злом они столкнулись. Нельзя, однако, сказать, что во Франции сегодня чувствуется действительная воля информировать население, подростков и родителей о всех опасностях наркомании.

— Такое положение не только во Франции. Конечно, медицинские исследования проблем наркомании были осуществлены действительно недавно. Но главное здесь другое — в высших эшелонах власти вовсе не заинтересованы признать употребление «легких» наркотиков опасным.

— Вы хотите сказать, что те, в чьих руках сосредоточена власть, боятся себя скомпрометировать?

— Во всяком случае, в США это очевидно. И благодаря этому наркомания так распространилась за последние двадцать лет.

Перевел с французского
С. КОЗИЦКИЙ

ЗНАЕШЬ, ИЗ-ЗА ЛЮБВИ (НЕ) СТОИТ СТРАДАТЬ...

Несколько мыслей к теме

Серхио ЧОУ,
западногерманский публицист

Мы всегда находим причину, чтобы осложнить собственную жизнь и любовь. И, как правило, очень редко — возможность освободиться от пут страдания.

Наверное, потому, что любовь и страдание — это наши чувства.

Несмотря ни на что, я хотел бы разобраться в них. Это всего лишь попытка, и я предлагаю молодым попробовать, а потом и привыкнуть иначе обращаться со своими чувствами. Иначе, чем мы, старшие, которым пришлось кропотливо и трудно переучиваться.

1. Боль необходима

Лишь очень неохотно мы можем согласиться или хотя бы допустить такую мысль, что страдание и грусть необходимы. Кому из нас понравится перспектива быть грустным?

Однако «согласиться на страдание» — не значит отказаться от стремления изменить ситуацию, а значит, признать, что и, страдая, надо жить, как бы плохо нам ни было.

Человек не может так просто избавиться от любовных огорчений или ревности. Эти огорчения и ревность упорно не желают покидать нас. Они принадлежат нам, они — часть нашей жизни и нашей личности. Знать их и преодолевать — значит идти вперед.

2. Кто виноват

Мне кажется, что главное заблуждение состоит в том, что в своих любовных неудачах человек винит другого.

Мы чаще всего воспринимаем себя как объект действия. Слишком мало учимся мы чувствовать себя хозяевами своей жизни, своих взаимоотношений с окружающими. Другими словами, тону ли я в собственной жалости к себе, чахну ли от этой жалости или лопаюсь от злости — все это с самим собой делаю я сам!

Я могу и должен решать для себя, как я буду обращаться с собой и с другими.

Ясно, что это проще сказать, чем выполнить. Важно только усвоить исходное положение: идет ли речь о любви или о чем-то еще — за все, что со мной происходит, отвечаю в конечном счете я сам. Это не значит, что все и всегда мне подвластно. В большинстве случаев не удается привести себя в хорошее настроение нажатием кнопки. Это значит лишь то, что не следует безропотно отдавать себя чьей-то власти, становиться чьей-то жертвой. Надо брать ответственность за свою судьбу в собственные руки.

3. Доверяйся друзьям

Будь откровенным с другими. Делись с ними своими бедами.

Дело здесь в солидарности. Пусть будут солидарны с тобой подруги, друзья — все, кто не станет злословить о Нем или о Ней, усиливая тем самым твои мучения, а просто даст тебе выплакаться, без лишних вопросов возьмет тебя за руку, поможет вернуть мужество, поговорит начистоту. Очень важно знать, что человек создан таким, каким он проявляет себя именно в момент душевного кризиса, и что на свете, кроме Нее или Него, существуют другие люди, которые всегда готовы помочь тебе, которым ты нужен и рядом с которыми можно жить дальше.

Итак, доверяйся друзьям.

4. Быть человеком

Мы не из зоологического семейства холоднокровных. Быть холодным — это уже, пожалуй, что-то «из жизни мумий». Тот, кто ничего не делает, ничего не говорит, конечно, избегает ошибок — и этим совершает самую большую ошибку. Или?

Что, собственно, может случиться, если я скажу ей, что мне сейчас ох как худо, что все валится из рук, что я разочаровался в ней?

Вообще, это самое трудное — быть честным и прямым по отношению друг к другу. Но только так можно бороться с фальшивым пустословием. А начать нужно как раз там, где сделать это легче и трудней всего: с теми, кого мы любим.

Например, если он ей скажет, наконец, что любит ее; если она, наконец, объяснит ему, каким она хочет его видеть; если он, наконец, сможет заговорить о том, чего он боится; если она...

5. Познай себя

Чувства, наша внутренняя реакция и оценка происходящего вне нас могут сказать кое-что и о нас самих.

И вот перед нашим мысленным взором проносятся: потребность в участии, боязнь одиночества, расстроенные планы, самоутверждение, любовь, близость, весна, моды...

Чтобы влюбиться в человека, есть тысяча оснований, связанных не столько с этим другим человеком, сколько с нами самими, с нашей прошлой жизнью и сегодняшним состоянием.

Тот, кто хочет любить, должен сначала разобраться в

себе: я учусь познавать свои слабые и сильные стороны, с тем чтобы принять себя таким, каков я есть, и тогда я смогу свободно подойти к другому — и любить его, любить его ради него самого.

Ладно, это у нас еще впереди. Но мы должны знать, что между себялюбием и любовью, между «я» и «мы» существует противоречивая связь.

Вообще попытка изменить другого человека или хотя бы свои отношения с ним ни к чему не приведет, пока сам ты стоишь на месте.

Вот некоторые мысли к теме. Ничего завершенного, ничего исчерпывающего, многое лишь намечено. Это попытка задать направление, ни больше ни меньше.

А сам путь нам предстоит пройти еще не раз.

Перевела с немецкого Н. КАБАНОВА

ЖИЗНЬ ВДВОЕМ

Ютта РЕШ-ТРОЙВЕРТ,
психолог, специалист по проблемам
молодой семьи, ГДР

В редакцию газеты «Юнге вельт», орган Союза свободной немецкой молодежи (ГДР), приходит множество писем, в которых читатели сетуют на неурядицы в молодой семье. В большинстве писем повторяются сходные проблемы. Ответы на такие типичные вопросы Ютта Реш-Тройверт собрала в книгу для молодых супругов под названием «Жизнь вдвоем». Перед вами несколько отрывков из этой книги.

Перевоспитать!

До свадьбы мы тоже ссорились, но теперь ссоримся чаще. Мой муж — единственный ребенок в семье. Для матери он пуп земли. Она его совершенно избаловала. Все делается для него, ему даже с вечера готовят вещи, которые наутро надо надеть. Он несамостоятелен настолько, что работу выбирал ему отец. Ест он только то, что любит. А когда видишь, как он ест, просто становится дурно! Возможно, я, как воспитательница детского сада, несколько придирчива в вопросах поведения, но он к тому же и не очень-то любит дом. Я его как-то спросила, какие у него представления о браке? Он ответил: «Никаких — ведь я раньше не был женат».

Вера

Дорогая Вера!

Ни одна женщина не желает себе невоспитанного и избалованного мужа. В браке, конечно, человек несколько «обтесывается», но семья — это не исправительный дом. Если одному постоянно приходится что-то улучшать в другом, если в другом не видишь ничего, что хотелось бы перенять самому, то сразу же складываются отношения, словно между начальником и подчиненным,— они не имеют с семьей ничего общего. У критикуемого это вызывает невольное сопротивление, у критикующего — неудовлетворение. Постоянная необходимость воспитывать мужа (или жену) постепенно перерастает в настоящую жажду власти, что приводит к новым конфликтам.

Ты сама понимаешь: никто из нас не совершенство. Важно, однако, чтобы можно было принимать человека таким, каков он есть. К двадцати годам и мужчина и женщина уже становятся четко выраженными личностями со своими привычками, вкусами, особенностями. Нельзя изменить человека полностью. Если неприятные черты, открывающиеся в любимом, сводят на нет впечатление, которое возникло при знакомстве и привело к браку, то нужно, наверное, честно признать, что произошла ошибка. Наши впечатления всегда субъективны, но именно субъективное восприятие — фактор решающий, непреодолимый. У одного человека дурные манеры вызывают отвращение, другой воспринимает их с юмором. Я согласна с тобой: дурное поведение иногда действует еще более отталкивающе, чем грубое слово. Может развиться своеобразная аллергия на прежде любимого человека (вспомни, как раздражала в муже Анну Каренину привычка хрустеть пальцами), а тут уже не до терпимости. Боюсь, дорогая Вера, что твое критическое отношение к мужу переходит границы любви.

Между тем если браться перевоспитывать человека, то только на основе любви. Эффект воспитания, когда речь идет о взрослых людях, впрямую зависит от тона. Подумай, наверное, ты сама не свободна от стереотипов: к сожалению, женщины с педагогическими профессиями продолжают обычно и дома наставлять и поучать. А ведь в каждом из взрослых, да и в детях, это вызывает скорее дух противоречия, чем готовность согласиться.

Попробуй все же прояснить для себя (и совершенно четко!), какие качества в муже пока еще кажутся тебе достойными любви и какие особенно раздражают. Об этом он должен знать. И пусть он тоже поразмыслит о тебе. Что он в тебе любит и что ему не нравится!

Если уж тебе приходится поправлять его, то делай это всегда тактично и никогда в присутствии других людей.

От некоторых привычек твоему мужу теперь, безусловно, придется отказаться: как мать — за ним никто ухаживать не будет. Он должен понять, что без его участия ваша семейная жизнь не наладится. Чтобы он стал самостоятельнее, попытайся найти для него такие дела в доме, которые станет выполнять только он, за которые должен будет отвечать. И все же приготовься к тому, что при всем желании в совершенство он не превратится. Но и своим добрым, чутким вниманием можно наглядно демонстрировать любимому, чего мы хотим от него.

Невестка и свекровь

Решилась пожить некоторое время с его родителями, пока мы не получим собственное жилье. И тут началось. Все нужно было делать так, как хотела свекровь. Я со многим не соглашалась, но подчинялась. Я всегда думала: они пожилые люди, и, в конце концов, мы скоро переедем. Но становилось все хуже и хуже. Каждое мое слово воспринималось как неблагодарность. Должна признать, мать мужа много сделала нам хорошего, но неужели из-за этого я должна все терпеть и со мной можно обращаться как с глупым ребенком? Меня даже упрекнули, что я совершенно испортила мужа. Мы уже уехали оттуда, но напряженные отношения сохранились. Муж избегает разговоров о своих родителях. Он согласен, что мать несправедлива ко мне, но ей этого сказать не хочет.

Меланья

Дорогая Меланья!

Обида на свекровь, наверное, стара как мир. Часто мать, вырастившая сына, считает себя незаменимой. Поэтому и особенно «злые» свекрови получаются из матерей, которые всю жизнь оберегали сыновей от всякой домашней работы и продолжают относиться ко взрослым сыновьям, как к маленьким детям. Заметь: дочь, подрастая, тяготеет к самостоятельному хозяйничанию, а сын с удовольствием предоставляет себя материнским заботам. Когда же рядом с сыном появляется молодая женщина, мать первым делом стремится обучить ее всему, что обеспечит сыну прежнюю жизнь. По готовности перенять ее приемы и традиции свекровь необоснованно решает — хорошая у сына жена или плохая.

Если молодые вынуждены жить вместе с родителями, трения почти неизбежны. Многолетний опыт родителей, как правило, выплескивается в виде нравоучений, по крайней мере, так это воспринимают молодые. Тут-то и зарыта собака. Создавая собственную семью, молодая женщина жаждет самостоятельности. Однако она еще не уверена в себе — отсюда повышенная чувствительность к любым попыткам вмешательства. Если бы молодые жены были более уверены в себе, спокойно выслушивали советы, обдумывали их, дружелюбно, но определенно высказывали свое мнение, наверняка было бы меньше и «злых» свекровей. Иной раз ситуация обостряется до такой степени, что терпимостью и доброжелательностью ее уже не попра-

вишь — в ход идут оскорбления. Тут иногда приходится прекращать всякие контакты, пока старшие не осознают, что снисходительны к слабостям должны быть не только молодые.

Имей, пожалуйста, в виду, дорогая Меланья, что положение только ухудшается, если молодая жена при каждом столкновении со свекровью вынуждает вмешиваться мужа. Разумеется, вы с мужем должны обо всем поговорить и прийти к единому мнению. Но постоянно требовать от него, чтобы он одергивал свою мать, не ходил с тобой вместе к родителям в гости, вызывая таким образом у них глубокую обиду, более чем неумно. Любовь к матери, уважение и признательность к ней не позволяют сыну выступать против нее. Ты современная молодая женщина без предрассудков — для тебя должно быть достаточно сознания того, что твой муж жизнью в новой семье вполне доволен. При чем тут его мать! И потом, почему вы все время защищаетесь! Почему бы твоему мужу при случае не рассказать своей матери, какая ты хорошая жена! Маленькие бытовые подробности, уверяю тебя, согреют сердце матери. Да и твоего достоинства не убудет, если ты спросишь у свекрови, как она готовит то или иное блюдо, которое нравится твоему мужу! Как говорится, пустячок, а приятно. Ну а вмешательство твоего мужа требуется только в одном случае: если мать порочит невестку перед ним самим. У того, кто не заступится за жену в такой ситуации, у самого, наверное, двойственное отношение к любимой. Оно наносит большой вред молодой семье.

Жениться призывнику!

В нашем отделении есть несколько женатых солдат. Это часто становится предметом жарких споров. Особенно после отпуска, когда выясняется, что дома не все идет так, как хотелось. Холостяки считают, что брак не выдерживает разлуки и только осложняет службу в армии. Мы постоянно спорим: имеет ли смысл жениться перед армией или во время службы?

Гернот

Дорогой Гернот!

Давай не будем исключать так называемые солдатские браки из общей проблематики молодежных браков. Исследования показали, что наиболее конфликтное время независимо от разлук начинается между вторым и четвертым годами супружества. Видимо, за два-три года человек лучше узнает избранника и себя самого. Главные резервы, на мой взгляд,— в осознанном отношении к браку: готовность двух любящих к разрешению хотя бы тех проблем, которые можно предвидеть, и понимание, что в совместной жизни в принципе должны быть конфликты. Только такой подход может защитить от необдуманных поступков.

Разве служба в армии — непредвиденная проблема! Если люди вступают в брак, когда служба еще не закончена или еще предстоит, значит, они должны отдавать себе полный отчет в том, что им придется на какое-то время расстаться. Еще никому не удавалось избежать конфликтов простым игнорированием очевидного факта.

Назову некоторые особенности солдатского брака, о которых надо знать и, может быть, хорошенько подумать. Начало супружества — время, когда чувства партнеров особенно свежи и дают наиболее благоприятную основу для объединения,— проходит в разлуке, и «притирки» не происходит.

Одиночество молодой жены, которая принимает на себя определенные семейные обязательства (особенно если родится ребенок), способствует развитию самостоятельности. Это имеет и свои недостатки, поскольку ответственность и обязанности не делятся на двоих. Пока он в армии, она заправляет домом так, как считает нужным. Когда же он возвращается, ей уже нелегко менять свои привычки.

С другой стороны, армейская жизнь накладывает свой отпечаток на молодого человека: обычно после армии мужчины становятся более категоричными и своевольными. В замкнутом мужском коллективе неизбежно вырабатывается особый стиль поведения, от которого нелегко отвыкнуть, возвращаясь домой.

А поскольку молодая семья начинает свое фактическое существование именно в этот момент, то грубоватость, упрямство или подчеркнутая независимость приобретают особый вес: оба долго ждали момента, когда наконец будут вместе, и связывали с ним большие надежды, которые сейчас могут показаться иллюзиями.

Ну и наконец, о браках, рухнувших по причине непрощенной неверности, стойкого недоверия и преувеличенной ревности. Неверность свидетельствует здесь только о недостаточной зрелости. Видимо, в таких случаях люди попросту поспешили вступить в брак.

Я принципиальный противник того, чтобы заключение брака вырождалось в некое опечатывание своей собственности, а печать в паспорте превращалась в клеймо на верность. Предстоящая разлука почему-то воспринимается некоторыми молодыми парами как необходимость «узаконить отношения». Но успех дела решают в конечном счете только любовь двух людей и их реалистическое отношение к жизни семьей.

Замужем за «телеманом»

У нас дома не выключается телевизор. Муж смотрит все подряд, что бы ни показывали, пока не кончится программа. Споры бесполезны, он все равно делает по-своему. Один раз я даже вынула из телевизора какую-то деталь. Когда он понял, в чем дело, то устроил страшный скандал. Его тупость и нежелание считаться со мной испортили нашу жизнь. Мы целыми днями друг с другом не разговариваем...

Лиане

Дорогая Лиане!

Когда в молодой семье телевизор начинает играть главенствующую роль, это, конечно, ужасно. Ты, наверное, знаешь, что «телемания» — своего рода болезнь, которая опасна как для молодых, так и для старших. Ни специальность, ни образованность человека не дают иммунитета от этой болезни: как профессор, так и рабочий могут часами сидеть, уткнувшись в экран, что и засвидетельствовали специальные обследования. Такая привычка иногда тянется с детства.

Разумеется, жизнь современного человека уже немыслима без телевидения, поэтому не стоит, наверное, ломать телевизор или вообще отказываться от него. Но известно и другое: привычка каждый вечер смотреть телевизор парализует активность, можно сказать, развращает человека физически и психологически. Во всем комплексе опасностей «телемании» (от лени и до пренебрежения к близким) отмечу одну: в значительной степени страдает фантазия человека, которая крайне необходима для семейной жизни.

Поэтому, Лиане, тебе надо мобилизовать свои силы на то, чтобы телевизор из источника опасности превратился в доброго гостя. Поэтому первым и естественным шагом было бы введение твердого правила: не включать телевизор до тех пор, пока вы с мужем сообща не справитесь с делами. Следующий шаг — поразмыслите над тем, как лучше проводить свободное время. Бывает, что мы и не задумываемся, чем занять свой досуг. Кино, театр, стадион, клуб, туризм, кружки, курсы, самодеятельность... В самом деле, выбор не мал, стоит хотя бы попробовать. Это, во всяком случае, освободит тебя от необходимости тупо смотреть на экран с ним заодно, а может, со временем соблазнит и его. Теперь некоторые мелочи быта. Не проводите ужин за телевизором, постарайся так приготовить и так сервировать стол, чтобы было приятно задержаться за ужином подольше. Обсудите, как прошел день. Чаще слушайте магнитофон, пластинки, включайте радио. Нельзя позволить телевизору стать привычным фоном всего вечернего времени и тем более выходных дней.

Если ты попробуешь все средства и не добьешься успеха, значит, причины лежат где-то глубже. Таким больным местом могут оказаться серьезные ошибки, допущенные в вашей супружеской жизни.

Перевела с немецкого Г. ЛЕОНОВА

Продолжение следует

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПРОВОКАЦИИ

MADNESS

«Мэднесс» — идеальные персонажи для детских утренников, где они с успехом могли бы выступать в роли неуклюжих добрых дяденек. «Мэднесс» умеют подмечать детали и делать интересные и остроумные бытовые зарисовки».

(Из рецензии «Нью мюзикл экспресс» на первую долгоиграющую пластинку группы)

«Песни «Мэднесс» отражают отчаяние и отчужденность, которые испытывают в нынешнем социальном климате многие люди. Но они понимают, что для того, чтобы пережить эту депрессию, чтобы сохранить чувство собственного достоинства, нужно найти в себе силы хоть иногда улыбнуться. «Мэднесс» бесконечно изобретательны, они — пример остроумного народного таланта, который беспощадно подавляется в Британии, но который благодаря «Мэднесс» продолжает существовать. Им удается много сказать — как с музыкальной, так и с текстовой точек зрения — при минимуме лишнего шума. «Мэднесс» уловили настроение сегодняшней Британии лучше, чем кто бы то ни было в современной популярной музыке».

(Из рецензии «Нью мюзикл экспресс» на третью долгоиграющую пластинку группы)

Между этими двумя рецензиями — несколько лет, в течение которых музыкантам пришлось решать задачи как музыкального характера, так и те, которые на первый взгляд никакого отношения к музыке не имеют. Впрочем, в данной статье можно было бы говорить только о музыке — группа «Мэднесс» того заслуживает. Но «чисто музыкального» материала все же не получится. И не потому, что так захотелось автору. А потому, что в истории этой группы отразились и противоречия, и неотвратимость выбора, который сегодня на Западе волей-неволей приходится делать каждому честному интеллигенту.

«Мэднесс» начинали как группа, исполняющая музыку ска. О том, что это за музыка, наши читатели уже знают — мы рассказывали о ней в статье «Выбор» (№ 1 за 1986 год). Но стоит напомнить одну деталь, принципиально важную для понимания того, о чем пойдет речь: старая ямайская музыка, вновь ставшая популярной в Англии, привлекла к себе тех, кто выступал против разгула расизма и неонацизма на Британских островах, стала их музыкой, их «фирменным знаком».

Первые попытки контратаковать правые предприняли уже тогда, когда стало ясно, что антирасистское движение молодых рок-музыкантов, получившее название «2-Tone», представляет собой реальную силу. На концертах групп, игравших ска — «Спешиалз», «Бит», «Селектор»,— начали появляться молодчики из профашистских организаций «британское движение» и «национальный фронт», выкрикивавшие нацистские лозунги. И правая пресса заявила: «2-Tone» — тоже правые, раз на их концерты ходит такая публика».

Но эта диверсия лопнула быстро. Во-первых, сами исполнители решительно выступили против присутствия на их

концертах ультраправых. Во-вторых, тематика песен слишком уж явно расходилась со взглядами неофашистов. В-третьих, трудно было предположить, что темнокожие исполнители, выступавшие в этих группах, стали бы исповедовать расистские теории, от которых сами страдали в первую очередь.

На фирме «2-Tone» свою первую сорокапятку выпустила и группа «Мэднесс». Песня «Принц» была посвящена ямайскому музыканту Принцу Бастеру, который считается основоположником музыки ска и который сделал ее популярной за пределами Ямайки. Казалось бы, раз группа записалась на этой фирме, она тоже включилась в активную борьбу против расизма? Нет, дело в том, что музыканты «Мэднесс» тогда меньше всего думали о политике, а музыку ска избрали потому, что она была проста в исполнении, ритмичная и веселая — можно было не только развлекать публику, но и самим веселиться.

Вскоре «Мэднесс» предложили более выгодный контракт, и они перешли в другую фирму грамзаписи. Но уход ансамбля из «2-Tone» кое-кому было выгодно рассматривать как акцию политическую, дающую повод поговорить о том, что внутри антирасистского движения музыкантов якобы произошел раскол. Стало очевидно, что правые следят за каждым шагом музыкантов, стремясь перетащить их на свою сторону. Ухватившись за то обстоятельство, что все участники «Мэднесс» белые, а расовая проблема в их тогдашних песнях впрямую не поднималась, правые принялись расточать непрошеные комплименты в адрес «Мэднесс», заодно утверждая, что настоящая музыка ска — это та, которая концентрирует внимание именно на мелодике и ритмической структуре, а не разменивается на пропаганду.

Но это было лишь началом. На концерты «Мэднесс», как в свое время на концерты «Спешиалз» и других групп из «2-Tone», стали заявляться типчики из «национального фронта» и «британского движения», распространявшие среди публики неофашистские листовки. Правая пресса радостно возопила: смотрите, у нас появилась еще одна «своя» группа, она точно отражает наши взгляды; а вообще все правые — такие же безобидные и веселые ребята, как и этот ансамбль, и ничего им не нужно, кроме как повеселиться.

Потом и «солидная пресса», не утруждая себя попытками разобраться, что к чему, стала называть «Мэднесс» профашистской группой, которая в своих песнях отражает настроения ультраправых.

Но, самое главное, музыканты «Мэднесс», похоже, не обращали на все происходящее никакого внимания. Мнение о том, что «Мэднесс» — профашистская группа, они не подтверждали. Но и не отрицали, рассчитывая, что позиция аполитичности избавит их от всевозможных кривотолков. Выходит, им было все равно? Скорее дело в другом. Они не представляли, кому на руку их аполитичность, и просто были не готовы к такому мощному пропагандистскому натиску правых, не зная, что сказать. Для того чтобы «разговорить» их, репортеру «Нью мюзикл экспресс», который все же решил выяснить политические взгляды «Мэднесс», пришлось приложить немало усилий. Вот фрагменты из интервью.

Вопрос: Как вы относитесь к появлению на ваших концертах публики из «национального фронта» и «британского движения»?

Ответ: Никак. Нам все равно, к какой политической партии принадлежат наши слушатели, лишь бы не дрались. Не можем же мы стоять в дверях и спрашивать у входящих, лейбористы они или консерваторы?

Вопрос: Но ведь существует разница между ультраправыми группировками и традиционными политическими партиями?

Ответ: Существует, но нам нет до этого никакого дела. Мы не политический ансамбль, наша музыка — развлечение, наша цель — чтобы всем было хорошо.

Вопрос: А может ли всем быть хорошо? Иногда после ваших концертов типы из «национального фронта» избивают людей. Ведь может сложиться впечатление, что и «Мэднесс» — сторонники «национального фронта».

Ответ: Мы просто не хотим ни во что вмешиваться.

Вопрос: Не считаете ли вы, что у вас есть определенные обязательства перед поклонниками, которые прислушиваются к каждому вашему слову? Почему бы вам не сказать, с кем вы?

Ответ: Нет-нет, мы предпочитаем беседовать с нашими поклонниками вне сцены, индивидуально. Во всяком случае, можем сказать одно: мы против «национального фронта»!

Итак, «Мэднесс» пришлось-таки ясно выразить свое отношение к тому, что вокруг них творилось. Правые вроде бы махнули на этих «веселых ребят» рукой — не вышло, так не вышло,— и в жизни группы наступил достаточно спокойный период. Они выпустили диск «Шаг за пределы» — пластинка возглавила английские хит-парады. О втором диске «Безусловно» критик «Нью мюзикл экспресс» писал: «При всем желании эту пластинку нельзя было бы сделать более забавной и остроумной». Несмотря на разнообразие сюжетов песен, стало возможным говорить об общей теме. Главный герой песен «Мэднесс» — «маленький человек», живущий в конкретное время, в конкретном окружении. Этот человек молод и еще мало что успел сделать. Он небогат, и из-за этого ему приходится браться за любую работу и одеваться не так, как завсегдатаи модных дискотек. Он не очень красив и красноречив, поэтому не слишком удачлив в любви. Он не всегда тверд и решителен, и этим пользуются окружающие. Но он честен и не только сам готов посмеяться над собой, но и другим рассказать о комичных ситуациях, в которые порой попадает.

Каждое выступление «Мэднесс», каждое их появление на телеэкране становится мини-спектаклем, наполненным мягким юмором. Собственно, выступления «Мэднесс» имели мало общего с традиционным рок-концертом, они больше напоминали старинные представления бродячих трупп, где каждый был не только танцором и музыкантом, но и акробатом, поэтом, фокусником. Поэтому каждой новой песни ансамбля публика ждала с нетерпением, предвкушая новые остроты и розыгрыши.

А весной 1981 года выходит сорокапятка «Серый день»:

Поздно вечером я возвращаюсь домой.
У меня даже нет времени как следует расслабиться.
Засыпая, я знаю, что мне будут сниться
Проблемы, которыми я и днем сыт по горло.
Уже далеко за полночь, я лежу в полусне,
И мне видятся люди, которые без всякого
Повода набрасываются на меня.
Утром я встаю.
Руки, ноги, все тело болит.
За окном серое небо.
Так начинается очередной утомительный день.
Позавтракав, я выхожу из дому.
Мимо меня проходят люди, куда они все спешат?
Почему никто не остановится
И не поговорит со мной?
В парке я останавливаюсь, чтобы немного
Передохнуть, ложусь на траву.
На лицо мне падают капли дождя,
И я думаю о том, как бы исчезнуть без следа.

Первым впечатлением от этой песни было удивление: «Мэднесс», веселые ребята, шутники и оптимисты — и вдруг такая мрачная картина.

Оказывается, не вдруг. В одном из интервью музыканты признались, что они уже немного устали от своего традиционного «образа»: «Куда бы мы ни приехали, везде видим на лицах публики одинаковое выражение — ну же, скорее начинайте острить!» Впрочем, «Серый день» отнюдь не был попыткой создать новый «образ», но эта песня давала возможность по-иному взглянуть на все предыдущее творчество «Мэднесс». Да, человек может смеяться над своими злоключениями, но он не может смеяться вечно, если он одинок; рано или поздно его отчаяние выплеснется наружу. И в третью долгоиграющую пластинку вошли уже не только милые остроумные песенки, но и более серьезные вещи — тот же «Серый день», песня «Сердечный приступ» — о неурядицах и горестях, о непонимании, враждебности, с которыми ежедневно приходится сталкиваться тому же «маленькому человеку».

Но теперь музыканты из «Мэднесс» поняли еще одну важную вещь: мало «уловить настроение», нужно еще суметь выразить свое отношение к тому, что происходит вокруг. Группа становится активистом Движения за ядерное разоруже-

ние, в декабре 1981 года в числе других популярных ансамблей принимает участие в записи пластинки «Жизнь на европейском театре военных действий», деньги от продажи которой пошли в фонд Движения за ядерное разоружение.

В 1982 году выходит диск «Взлет и падение». Корреспондент «Нью мюзикл экспресс» попросил музыкантов рассказать о том, как они записывали эту пластинку. Посмотрите, насколько отличаются мысли участников «Мэднесс» от того, что они говорили прежде.

Грэм Макферсон, вокал: Этот наш диск несколько сложнее предыдущих, в нем меньше танцевальности. Может, именно поэтому его не все приняли. А мне этот альбом дороже остальных, в нем больше личного. Сама песня «Взлет и падение» — это о Ливерпуле, городе, в котором прошло мое детство. В 60-е годы мне казалось, что в городе происходят какие-то серьезные перемены, что-то двигается с места. Но потом мой оптимизм угас. Ничего не изменилось, может быть, даже стало хуже...

Майк Барсон, клавишные: Раньше нам казалось, что самое главное для группы — устроить после концерта вечеринку: вот, мол, до чего мы дружные, вместе работаем, вместе отдыхаем. Теперь поняли, что это не так уж важно. Зато мы научились сообща принимать решения. Раньше было чувство, что мы не до конца выкладываемся, а теперь я знаю, мы делаем все, что можем. Мы вкладываем больше мысли в свои песни, растет наша уверенность в собственных силах.

Дэниэл Вудгейт, ударные: Теперь мы не стремимся только лишь «заводить» публику. Мы поняли, что просто резвиться на сцене — значит попусту тратить силы.

Кристофер Формен, гитара: Нас иногда спрашивают, почему мы все еще выступаем вместе, ведь мы добились гораздо большего, чем многие другие ансамбли. Ну и что с того, что мы популярны? По-моему, все только начинается, главное еще впереди.

Марк Бедфорд, бас-гитара: Мы крепко держимся друг за друга, но иногда «работаем на стороне». Я, например, получил большое удовольствие, работая с Робертом Уайаттом над песней «Строительство военного корабля»[1].

Ли Томпсон, саксофон: Лучшие песни на нашей последней пластинке — это как раз те, где мы попробовали взглянуть на вещи серьезно. Например, «Синешкурое чудовище». В сущности, это песня о войне на Фолклендах, о том, как ее освещали наши средства массовой информации: не война, а какая-то морская увеселительная прогулка со стрельбой. Лишь бы никто так и не узнал правды о том, что творилось на Фолклендах!

Карл Смит, труба и вокал: Я люблю общаться с нашей публикой, среди них есть очень интересные ребята. И я много думаю о нашей ответственности перед ними. Ведь молодежь часто копирует своих кумиров. Поэтому прежде чем написать песню или сделать что-то на сцене, нужно подумать о том, как это повлияет на публику. Очень хотелось бы подавать только хороший пример.

В репортаже с фестиваля Движения молодежи за ядерное разоружение газета английских коммунистов «Морнинг стар» привела такое высказывание Грэма Макферсона. «Чем больше мы будем говорить и петь о разоружении, тем большему числу людей станет близка эта идея, и это самое главное». В песнях «Мэднесс» почти не говорится в открытую о политике, а на антивоенных митингах часто звучат их старые веселые вещи. Но сами музыканты считают, что «исполнение этих песен на политических акциях, которые мы поддерживаем, делает их самыми что ни на есть политическими песнями».

Когда в среде молодых английских музыкантов зародилось новое движение «Красный клин»[2], «Мэднесс» стали его активистами. В принципе, можно было предположить, что «Красный клин», как когда-то «2-Tone», станет объектом провокаций. Но едва ли кто-либо мог ожидать, что будет применен старый прием и что именно группа «Мэднесс» будет главным объектом злобных стараний. В марте 1986 года газета «Сан» выходит с броским заголовком «Вокалист «Мэднесс» — близкий друг нациста». Далее сообщалось, что Грэм Макферсон «уличен» в тесных дружеских связях с одним из членов «национального фронта», отбывающим сейчас тюремное заключение за нападение по расовым мотивам.

Но теперь Грэм не стал отмалчиваться, он подал на автора заметки и газету «Сан» в суд за клевету. Макферсон пояснил, что действительно был знаком с тем человеком — они вместе учились в школе, но последний раз виделся с ним более пяти лет назад. Кроме того, публика, знающая «Мэднесс», уже вряд ли поверила очередной сплетне.

И последний факт из жизни «Мэднесс»: они включились в работу вновь организованной кампании Артисты против апартеида.

По материалам зарубежной прессы подготовил Л. ЗАХАРОВ

Комментарий Кэйт КЛАРК, корреспондента газеты «Морнинг стар» в Москве

Я не знаток современной поп-музыки, но история с «Мэднесс» интересна тем, что показывает явление, типичное для сегодняшней Великобритании. Вот лишь два примера. Три-четыре года назад в газетах появились сообщения о том, что национальный секретарь Движения за ядерное разоружение Джоан Раддок незаконно якобы получает зарплату на этом посту и не платит налога государству А недавно была опубликована информация о том, будто председатель профсоюза британских шахтеров Артур Скаргилл во время забастовки горняков, которые тогда оказались без средств к существованию, купил себе огромный дом за 90 тысяч фунтов стерлингов. Обе эти фальшивки не стоило большого труда разоблачить, но опровержения были напечатаны, в отличие от самих «сенсационных материалов», мелким шрифтом где-то на внутренних полосах газет.

Печатное слово обладает почти магической силой, рядовой английский читатель далеко не всегда анализирует подаваемую ему информацию. Очень часто срабатывает стереотип мышления по принципу «нет дыма без огня»: мол, даже если не все, что здесь написано, правда, что-то все же есть, ведь не будут же печатать сплошные выдумки. Увы, печатают. Разумеется, не без умысла. Ведь если внушить обывателю, что известный всей стране человек, выступающий с критикой правительства, сам не очень верит в идеалы, которые провозглашает, или нечист на руку, это создаст недоверие не только к этому конкретному человеку, не только к его идеям, но и к политике вообще: какой в ней толк, если все политики сплошь занимаются обманом! А такой аполитичной массой легче управлять.

Постоянными объектами провокаций и клеветы являются коммунисты, активисты борьбы за мир, люди прогрессивных убеждений. Но в принципе любой, кто выразил взгляды, представляющие опасность для капиталистической системы, рискует стать объектом таких провокаций. Не все оказываются к этому подготовленными, некоторые стараются скрывать свои взгляды,— правда, это уже само по себе может стать поводом для разного рода спекуляций. Пример «Мэднесс», как мне кажется, в этом смысле поучителен: мало просто иметь свою позицию, нужно уметь сказать об этом открыто.

Помню, когда я только начинала работать в Москве, в Советский Союз приехал Артур Скаргилл. В газете «Таймс» появилась тогда заметка, в которой говорилось, что об этом визите знали все аккредитованные в Москве английские журналисты, кроме корреспондента коммунистической «Морнинг стар». А на самом деле я была единственным представителем британской прессы, который беседовал тогда со Скаргиллом. С остальными он встречаться не захотел, опасаясь, что буржуазная пресса сфабрикует очередную фальшивку. Думаю, у него были основания так поступить.

---

[1] *Об этой песне, в которой резко критикуется фолклендская авантюра правительства консерваторов, «Ровесник» писал в № 5 за 1983 год. Исполнял ее Роберт Уайатт, член Коммунистической партии Великобритании.— Прим. ред.*

[2] *Движение это направлено на активизацию политического сознания молодежи. Один из его лозунгов: «Нет места американским ракетам в Великобритании».— См. «Ровесник» № 7 за 1986 год.*

МУЗЫКАНТ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Джеймс Линкольн **КОЛЛИЕР,** *музыковед*

Весной 1929 года Луи Армстронг готовился возвратиться из Чикаго в Нью-Йорк. К тому времени его творческий гений находился в зените и он верил в свои силы. Армстронг стал не только признанной звездой первой величины в джазе, но и законодателем джазовой музыки. Знатоки ставили рядом с ним лишь Дюка Эллингтона, иногда, правда, отдавая Эллингтону некоторое предпочтение: ведь Дюк — композитор. Что же касается любителей джаза, черных и белых, музыкантов и широкой публики, для них Армстронг был единственным кумиром.

Особое значение его успех имел для негритянского населения Америки. В Соединенных Штатах процветала сегрегация. Черных считали людьми низкой культуры, неспособными к тонкому выражению чувств. Подобное отношение бытовало и среди тех белых американцев, которые почитали себя свободными от расовых предрассудков. Даже если кому-нибудь из представителей негритянского населения и удавалось добиться успеха, в частности в исполнительском искусстве, им было чрезвычайно трудно завоевать полное признание. И когда Армстронга объявили лучшим джазистом, величайшим трубачом США, а возможно, и всего мира, для миллионов чернокожих американцев главным было сознание того, что один из них смог превзойти белых. Луи Армстронг стал настоящим героем своего народа, его гордостью.

В предыдущие четыре года, проведенные в Чикаго, Луи пытался угнаться за двумя зайцами. И надо сказать, его успех на обоих поприщах был потрясающим. Вместе с группой «Хот файв» Армстронг выпустил несколько грампластинок, перевернувших традиционный джаз. Одновременно он выступал как певец и эстрадный артист в кабаре, сумев покорить и широкую публику, и знатоков джаза своим актерским обаянием.

Осенью 1929 года Роберт Дональдсон Даррел, музыкальный критик, писал об одной его только что вышедшей пластинке: «Луи Армстронг постоянно поддерживает такой высокой уровень, какого никому больше не удается достигнуть». Спустя несколько месяцев Даррел восхищенно добавил: «Оркестр Луи Армстронга идет от успеха к успеху, нисколько не теряя ни в профессионализме, ни в оригинальности». В 1931 году тот же Даррел обратил внимание на то, что продано более 100 тысяч грампластинок Армстронга без помощи какой-либо специальной рекламы.

Ранее писавший критические статьи о классической музыке для почитателей Вагнера и Бетховена, Даррел, потрясенный талантом Армстронга, в 1932 году заявил: «Фантастические соло на трубе, высочайшее «глиссандо» и невероятные бравурные пассажи этого черного Уленшпигеля из Нового Орлеана превращают живое искусство джаза в бессмертное. Луи Армстронг, этот истинный «король джаза», провозглашает музыку будущего. Его неподражаемая игра, сверхъестественная виртуозность ставят трубу вне правил, установленных Берлиозом, Римским-Корсаковым и Штраусом».

По мнению Даррела, в начале 30-х годов знатоки джаза попросту не замечали, что существуют два лика Армстронга: его сценический облик и его музыка.

В 1929 году было невозможно давать Луи какие-либо советы относительно того, что он должен играть и как держать себя на сцене. В течение всей своей карьеры он доверял импресарио заботу о подборе музыкантов для оркестра, оставлял на их усмотрение даже формирование репертуара и аранжировку композиций. Но, выходя на эстраду, Луи сам руководил представлением: задавал темп, объявлял номера в том порядке, какой находил нужным, и исполнял их так, как ему подсказывало чутье. По словам Джо Сюлли, занимавшегося перед второй мировой войной ангажементами Армстронга, «он мечтал поставить собственное шоу». Потому Луи часто не соглашался с Джо Глейзером, которому тем не менее доверял руководство своей карьерой. «Вы могли ему предложить ту или иную песенку,— вспоминал Глейзер,— и он ее исполнял, но если бы вам вздумалось диктовать ему, как ее петь, он вышвырнул бы вас за дверь».

Это вовсе не означало, что Армстронг совершенно не прислушивался к мнению окружающих. Глейзер постоянно советовал «разыгрывать» исполняемые песни: «Я говорил ему: «Луи, забудь всех этих нудных критиков и музыкантов. Играй для публики. Пой, играй и смейся. Улыбайся, черт возьми, улыбайся! Покажи им, на что ты способен!»

Фирмы, выпускавшие пластинки Армстронга, гораздо больше интересовал сиюминутный успех в хит-парадах, чем развитие и совершенствование настоящего джаза. Армстронг и сам принял решение следовать прежде всего вкусам широкой публики, и эта позиция все более утверж-

далась в ущерб подлинной джазовой музыке.

Чтобы понять Армстронга, следует обратить внимание на особенность его характера, о которой вспоминали нечасто и то лишь те музыканты, которые с ним работали. Дело в том, что Луи очень болезненно реагировал на соперничество со стороны других артистов. Так, однажды Рекс Стюарт, один из его страстных поклонников, явился в клуб, где выступал Луи, с намерением потягаться с ним. Армстронг воспринял это как вызов. Он чувствовал себя оскорбленным и долго не разговаривал со Стюартом. Так же он реагировал на успех других музыкантов, с которыми вместе выступал. Джордж Попс Фостер, контрабасист из Нового Орлеана, игравший в оркестре Армстронга в 30-х годах, вспоминал: «Луи действительно очень ревниво относился к тем музыкантам, которые выделялись среди остальных. Если вы играли плохо, он выгонял из оркестра, если же очень хорошо — результат был тот же. Когда я начинал импровизировать на контрабасе, Луи кричал мне: «Слушай, если ты хочешь играть на трубе, иди лучше сюда».

Ревнивое стремление первенствовать, возможно, составляло существенную черту характера Армстронга. Сам Луи однажды признался трубачу Руби Браффу: «У меня все можно отнять, кроме аплодисментов публики». Армстронг, видимо, испытывал неуверенность в себе. Для того чтобы преодолеть ее, музыканту необходимо было подниматься на сцену, играть и петь перед тысячами зрителей, расточать широкие улыбки, гримасничать. Взрывы оваций помогали ему забыть, что он некрасив и что его никто не любит. Им двигало одно желание — нравиться. И очевидно, привыкнув получать такой «допинг» во все возрастающих дозах, он уже не мог без него обходиться.

Настоящая же слава пришла к Армстронгу в 50-х годах. В июле 1950 года самый популярный журнал джазовой музыки «Даун-бит» посвятил пятидесятилетию Луи специальный номер со статьями о начале его творческого пути, а также воспоминания о нем коллег. В 1952 году читатели журнала назвали его «самым выдающимся музыкантом всех времен». Дюк Эллингтон при этом занял второе место, Гленн Миллер — четвертое.

Однако наиболее широкая популярность пришла к Армстронгу не на поприще музыки, а в политической области. В 1954 году Верховный суд США принял решение, объявляющее незаконной расовую сегрегацию в школах, и многие годы черные безуспешно пытаются добиться претворения этого закона в жизнь. Осенью 1957 года школам города Литл-Рок, штат Арканзас, было предписано начать совместное обучение белых и черных детей. Однако, когда темнокожие граждане появились у порога школы со своими детьми, их встретила беснующаяся толпа. Губернатор штата Орвилл Фобус поклялся не допустить негритянских детей в школы, где учатся белые. Эти события освещались телевидением.

18 сентября, в разгар событий в Литл-Роке, Армстронг выступал в одном из небольших городишек, затерянном на Американском континенте, в штате Северная Дакота. Придя к себе в номер, он увидел на экране телевизора горстку негритянских детей, окруженных толпой белых расистов, вопивших: «Смерть им!» В этот момент к Луи зашел молодой репортер местной газеты — взять интервью у гастролера. Результат превзошел все ожидания: Армстронг разразился яростными обвинениями в адрес американского правительства, заявив, в частности, что Эйзенхауэру «не хватает смелости», чтобы соблюсти собственные законы. «Правительство, допускающее, чтобы так возмутительно обращались с моим народом на Юге, заслуживает, чтобы его выгнали ко всем чертям!» Молодой репортер сразу смекнул, что статья с заявлением Армстронга станет взрывом бомбы. Когда Луи позвонили из редакции с просьбой подтвердить сказанное, он не замедлил это сделать. Статья была перепечатана крупнейшими газетами. По выражению журнала «Даун-бит», «этот крик гнева разнесся по всему миру».

Вскоре Эйзенхауэр направил в Литл-Рок федеральные войска, чтобы гарантировать интеграцию в школах. Было бы преувеличением утверждать, что именно гневное заявление Армстронга оказало влияние на действия президента — к этому его понуждали многие обстоятельства. Однако нет сомнений, что позиция известного музыканта, получившая общественный резонанс, определенно сыграла свою роль.

Этот случай весьма характерен для личности Армстронга. Рассудительный человек приберег бы свои высказывания для престижной «Нью-Йорк таймс» либо выступил на пресс-конференции, придав им надлежащую и спокойную форму. Армстронг же отреагировал яростно, в приступе возмущения не думая о том, что сенсационный материал в провинциальной газете вполне может быть забыт уже на следующий день.

Разумеется, его заявление далеко не всем пришлось по вкусу. Как и следовало ожидать, наиболее консервативные издания обвинили музыканта в том, что он «играет на руку советской пропаганде». Известный журналист Джим Бишоп упрекал Армстронга в отсутствии патриотизма и прямо обвинял его в неблагодарности. Алабамский университет аннулировал концерт Луи в студенческом клубе. Но Армстронг продолжал выступать с осуждением расизма. В декабре 1959 года репортер «Нью-Орлеанс таймс» спросил Луи, почему он не приезжает выступать в свой родной город. Тот ответил: «Меня принимают во всем мире. Когда же меня будут готовы принять в Новом Орлеане, я вернусь туда», подчеркивая, что расистские законы там все еще в силе.

Когда окидываешь взглядом творчество Луи Армстронга, поражает, какое необыкновенно сильное влияние он оказал на музыку XX века. Его власть над двумя последующими поколениями джазистов огромна и связана с тремя особенностями его игры, каждая из которых, взятая в отдельности, уже достаточна для того, чтобы считать Армстронга выдающимся джазовым музыкантом. Прежде всего он владел виртуозной техникой: теплый и насыщенный тон, глубокий, чистый звук, мощный в верхнем регистре, резкая атака, быстрота исполнения сложнейших пассажей. Музыканты американских танцевальных оркестров в 30—40-х годах большей частью ориентировались на манеру игры Армстронга.

Второе его достоинство — такое исполнение свинга, которое и теперь редко кому под силу.

Третья особенность — безграничное воображение Луи, поразительная способность создавать музыкальные импровизации, одновременно оригинальные и связанные с темой. В этом он не имел себе равных ни в джазе, ни, возможно, вообще среди музыкантов со времени великих европейских композиторов XIX века. Некоторые блистательные фрагменты Армстронг импровизировал буквально на месте, другие были плодом долгих творческих усилий. Пожалуй, мало найдется музыкантов во все времена, кто обладал бы такой плодовитостью в создании мелодических миниатюр.

Армстронг появился в самый подходящий момент. В те времена, когда он начинал играть, американским джазистам предлагались в основном два пути: прежде всего так называемый симфонический джаз, основанный главным образом на аранжировках. Второй путь был открыт традиционными оркестрами Нового Орлеана.

Никто точно не знал, какое из этих направлений «правильное». Вначале белые музыканты и знатоки джаза утверждали, что симфонический джаз представляет собой главную тенденцию в развитии музыки, а новоорлеанская традиция всего лишь грубая подделка. Оркестры Кинга Оливера и «Нью-Орлеанс ритм кингс» в 1923 и 1924 годах поколебали это мнение, однако в 1925 году вопрос по-прежнему оставался открытым.

Но в это время стали выходить пластинки Армстронга, и все сомнения рассеялись. Каждому сразу же стало ясно, что нужно играть именно так, как играет Луи. Никто не вдавался в долгие объяснения, да они никому и не требовались. Манера Армстронга стала эталоном.

Присутствие Луи Армстронга можно обнаружить практически во всех музыкальных формах XX века. Он подобен большому камню на дороге: можно переступить через него или обойти стороной, но не заметить его невозможно.

Перевела с французского Алла ГРАЧЕВА

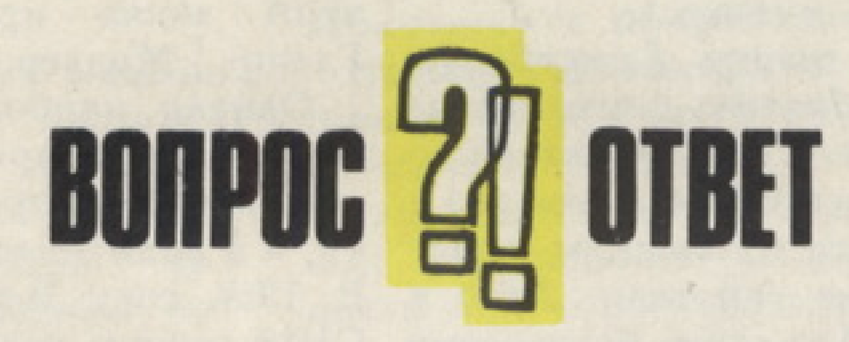
«ВСЕ ТИХО, ПРОСТО БЫЛО В НЕЙ...» Какая она, девушка будущего, призванная тревожить умы поэтов, служить эталоном красоты для своих современников? Деловая, но не чрезмерно занятая своей карьерой, деятельная без излишней агрессивности, разумная, добрая. И главное, женственная. А пока социологи размышляют о переоценке ценностей, о новых ориентирах, об этом новом облике говорит, пожалуй, самый яркий показатель — мода. Перед вами самая модная девушка, созданная итальянскими дизайнерами: платье подчеркивает естественную прелесть, взгляд мягкий, почти никакого макияжа. Минимум украшений, долой побрякушки, бантики, кантики; простота и скромность — такая она, завтрашняя модница.

ТВ ПОКАЗАЛО — ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

СИ СИ КЕТЧ. Настоящее имя — Каро Мюллер, родилась в Голландии в 1964 году, сейчас живет в ФРГ. Вышел один долгоиграющий диск «Захваченный Кетч».

Увлечения — аэробика, кройка и шитье. Любимый цвет — черный. Для повседневной носки предпочитает бледно-голубые джинсы и куртку в сочетании с желтой, навыпуск мужской сорочкой. К своим нарядам носит пышную прическу. Любимый композитор — Дитер Болен (для непосвященных — один из «Модерн токинг», тот, который блондин). Как утверждает западногерманский журнал «Браво», все остальные музыкальные достижения человечества прошли для Си Си Кетч незамеченными (впрочем, может, «Браво» и клевещет).

Огромная просьба: расскажите, пожалуйста, о группе «А-ха».
Денис Б., г. Дубна

Группа «А-ха», пожалуй, интересна лишь тем, что это первый норвежский ансамбль, добившийся широкой популярности за рубежом,— две их песни, созданные в стиле «электропоп», некоторое время даже возглавляли английские хит-парады. В составе группы три вокалиста: Пал Ваактаар, Мортен Харкет и Магс Фурухолем.

Расскажите об ансамбле «Земля, ветер и огонь».
С. Перерва, В. Дейнеко, г. Волжский

Группа «Земля, ветер и огонь» существует с 1970 года, выпустила более полутора десятков альбомов. В составе группы девять человек, причем каждый из них, помимо традиционных для музыки соул инструментов — гитар, ударных и пр.,— в нужный момент переключается на духовые. Отсюда богатство аранжировок, «сочный» звук. Душа группы — вокалист, композитор, аранжировщик и автор текстов Морис Уайт, второй основной вокалист — Филипп Бэйли, оба неоднократно признавались лучшими негритянскими певцами в поп-музыке. Период наивысшего взлета группы — 1976—1978 годы.

Филипп Бэйли выпустил два сольных диска, в 1985 году Морис Уайт тоже решил попробовать себя как солист и записал долгоиграющую пластинку.

Мы давно следим за творчеством Рика Уэйкмана, но знаем о нем самом немного. В частности, что он играл на первых порах в группе «Йес»... Алексей и Олег Захаровы, г. Красноярск

Английский пианист и органист Рик Уэйкман действительно начал свою музыкальную карьеру в составе группы «Йес». Затем в 1972 году он выпустил первый сольный альбом «Шесть жен Генриха VIII», именно эта пластинка до сих пор считается его лучшей работой.

В том же 1972 году он сотрудничал с известным исполнителем Лу Ридом, годом раньше работал с Элтоном Джоном: все партии органа на альбоме Элтона Джона «Безумная морская прогулка» принадлежат Уэйкману. В 1973 году он записывает пластинку вместе с группой «Блэк сэббат». В 1977-м он снова работает с «Йес», помогая в студийной записи альбома «Ради общей цели».

Среди более поздних сольных работ Уэйкмана можно выделить альбом 1983 года «Король Коль» (он назван по имени сказочного персонажа, известного нам по переведенной С. Я. Маршаком английской народной песенке «Старый дедушка Коль был веселый король...») и пластинку 1985 года «Безмолвные ночи».

Меня интересует группа «Иксепшн».
И. Орел, г. Красноярск

Голландская группа «Иксепшн» возникла в 1969 году — ее организовал органист и пианист Рик ван дер Линден, который еще в начале 60-х получил широкую известность своими обработками классических произведений. В состав группы вошли: Рейн ван ден Броэк — духовые инструменты, Дик Ремелинк — саксофон, флейта, Кор Деккер — бас, Петер де Леув — ударные, гитара.

Группа сумела пройти сквозь все перипетии 70-х, не изменив своему стилю. Некоторые музыкальные критики считают, что «Иксепшн» внесли свой вклад в популяризацию классической музыки, и, по-видимому, они правы: для группы характерно бережное отношение к обрабатываемым темам, мастерские аранжировки. «Иксепшн» прославились своими интерпретациями произведений Баха, Бетховена, Моцарта, Чайковского, но и композиторский талант ван дер Линдена сыграл немалую роль в стабильном успехе группы.

В 1981 году «Иксепшн» распались, выпустив за все время своей работы 15 альбомов: они все заслуживают внимания истинного любителя музыки.

Л. СОРОКИН, С. ЕВГЕНЬЕВ

BILLY BRAGG
TALKING WITH THE TAXMAN ABOUT POETRY

THE DIFFICULT THIRD ALBUM

ПЕРЕД ВАМИ, ЧИТАТЕЛЬ, обложка новой пластинки английского музыканта и певца Билли Брэгга («Ровесник» писал о нем в № 7 за 1986 год). Пластинка называется «Разговор с фининспектором о поэзии», а разговор об этой записи состоялся у нашего корреспондента Л. Захарова с Билли Брэггом на I Международном фестивале «Песня в борьбе за мир».

— Билли, основанное тобой движение английских музыкантов называется «Красный клин». Название твоей последней долгоиграющей пластинки — дань поэзии Маяковского. Теперь вот ты приехал в СССР. Не боишься обвинений в просоветских настроениях!

— С таким же успехом меня можно обвинить в проамериканских, прояпонских, проголландских и прочих настроениях — я выступал во многих странах. Что же касается моей новой пластинки, то я назвал ее так не потому, что использую в ней стихи Маяковского впрямую,— нет, тексты мои, но вот настроение, как мне кажется, совпадает со стихами Маяковского, человека и поэта для всех стран и на все времена. Это песни о лицемерии, лживости и пошлости буржуазии.

Кстати, «просоветская» пластинка пришлась по вкусу молодым англичанам: уже несколько месяцев она стоит в хитах.

ЦЕНА ПОБЕДЫ. Три дня подряд 1-я горнострелковая дивизия бундесвера отбивалась от наступающих «красных». «Красные» шли с Востока. Их целью было сжечь западногерманские города, взорвать мосты, ядохимикатами погубить природу. И чтобы не допустить этого, первая горнострелковая вывела свои танки и бронетранспортеры на дороги и поля и три дня без отдыха и перерыва на обед крушила, контратаковала, брала штурмом... Один бронетранспортер перевернулся, три солдата погибли, несколько легковых автомобилей, попав под танки, превратились в сплющенные жестянки, в бою сгорел один крестьянский двор и один вертолет упал. Но зато победа!

Маневры кончились. В конце года министерство обороны подвело итог: 8536 несчастных случаев, 40 миллионов марок ущерба...

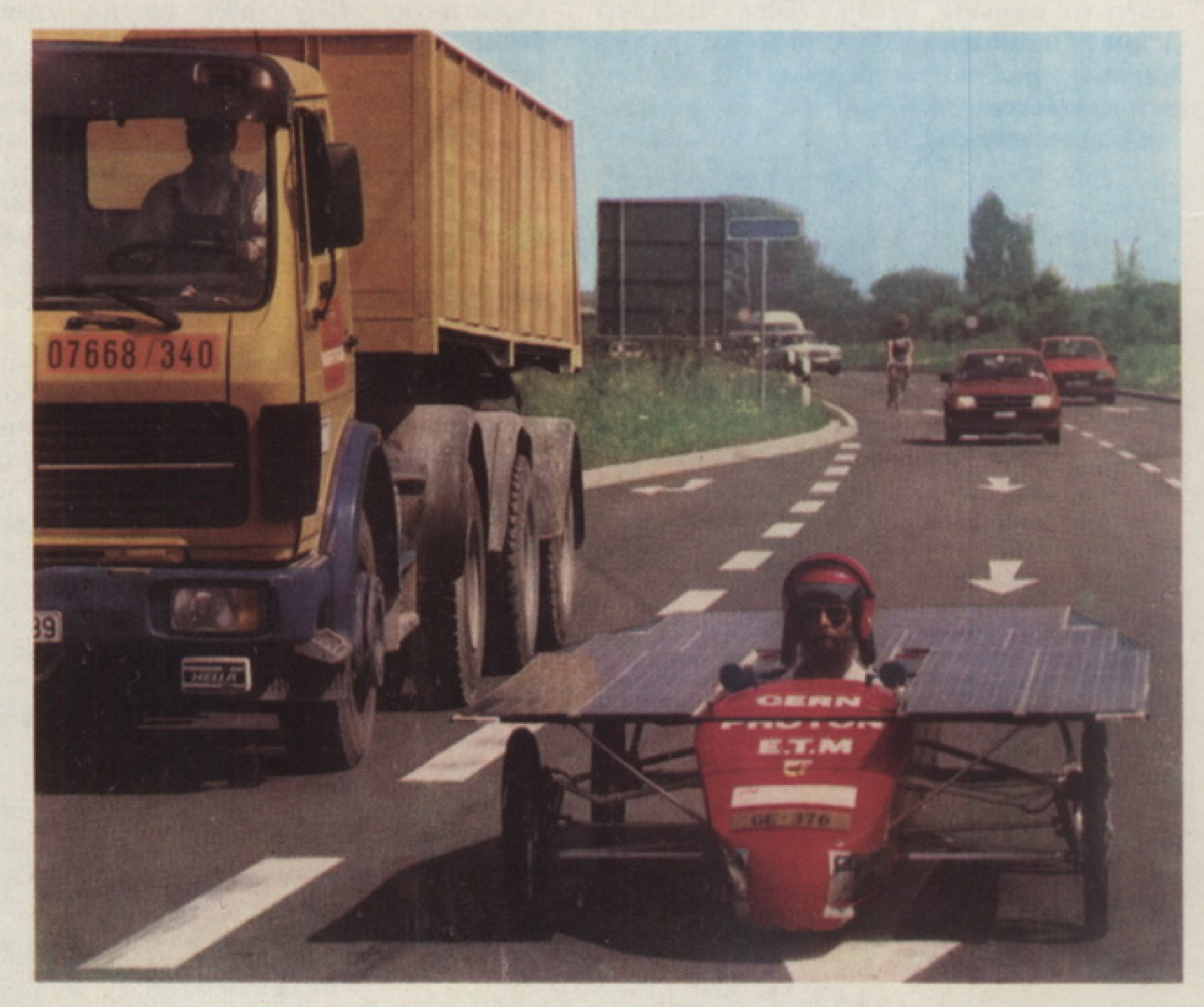

ЭТО НЕ МАСКАРАД и не кадр из очередного голливудского фильма о славных патриотах, семьями поднявшихся на борьбу против оккупировавшей США России (такие фильмы, кстати, заполонили американский экран). Снимок сделан в натуральном тренировочном лагере... прихожан церкви под названием «Христиане Иисуса Христа». Основатель ее, преподобный Батлер, провозглашает: что Америке, дабы стать еще славнее, надо избавиться от: а) коммунистов, б) всяких черномазых, в) евреев. Что для этого надо делать? Вооружаться, вооружаться и тренироваться: «Каждая семья последователей нашего учения должна иметь обрез 12-го калибра, винтовку 22-го калибра...»

В результате — ограбление банка и военной машины, перевозившей оружие. Взорванный дом священника римско-католической церкви, который призывал к расовой гармонии. И т. д. и т. п. Но федеральные власти ничего не могут поделать с разбушевавшимися «христианами» — церковь-то официально зарегистрирована. А пока обсуждается вопрос о законности ее действий...

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ. Сигарообразные, обтекаемые, как ракеты. Низкие, прозрачные. Широкие, с крыльями. Машины будущего едут по дорогам Швейцарии, где прошел первый чемпионат мира для автомобилей, использующих солнечную энергию. Они едут медленно. «Фиаты» и «пежо» обгоняют солнечные экипажи и уверенно уносятся вдаль. Участники чемпионата выбираются из-под своих сломавшихся автомобилей и глядят вслед надежным автомобилям настоящего. Но потом садятся за руль и упорно продолжают путь на своих футуристических самоделках. В будущее...

Рисунки Ю. МИХАЙЛОВА

ТЫ ЖЕ ОБЕЩАЛ...

Джозефина ЛИ,
Великобритания

Рассказ

Сегодня утром я укусил мисс Чэндлер. Она страшно удивилась. Я тоже. Не думайте: я вовсе не примерный ученик, а мисс Чэндлер не идеальная учительница. Но до сих пор мы ладили. До сих пор. Раньше мисс Чэндлер не придала бы этому значения, ну, может, прикрыла бы след от укуса рукавом. Она у нас такая. Учителя, которые идут на конфликт, больше семестра здесь не задерживаются. Но не помню, чтобы кто-то кого-то раньше кусал. Мисс Чэндлер тоже. Она посмотрела на меня, на остальных ребят, застывших в кабинете труда, как резные фигуры на церковной двери. И растерялась. Она забыла, что я всего лишь Боб Гудвин. Ей показалось, что перед ней опасный маньяк.

В результате меня отправили в комнату отдыха ждать медсестру. Тут я сейчас и пишу все это. Вот уж не ожидал, что мисс Чэндлер совершит такую ошибку — отправит меня сюда. Меньше всего сейчас мне нужен покой. После того как вы сорвали зло на человеке, вам симпатичном и не имеющем отношения к вашим неприятностям, заставлять вас сидеть на кушетке в полном одиночестве — все равно что ставить сигнальное устройство в квартиру, которую только что обокрали. Это ведь не начало истории, а конец.

Когда пришла медсестра, у меня не было ни малейшего желания отвечать на очередной глупый вопрос: может, меня что-нибудь огорчило? «Нет, нет». Я чуть не сказал: «Мне просто хотелось есть». Мисс Чэндлер достаточно упитанна. Сестра измерила мне температуру, плюхнула на стол стакан с водой и ушла. Потом пришла сама мисс Чэндлер. Я так и думал, что она придет. Она принесла пачку бумаги и шариковую ручку и положила на стол. Заметив стакан с водой, она усмехнулась. Я увидел на ее руке след от укуса и синяк. Рука распухла и, наверное, сильно болела.

— Если не хочешь говорить,— сказала она,— может быть, напишешь, как все получилось.— И показала на свою руку. Я почувствовал, что краснею. И отвел взгляд.— Изложения на свободную тему тебе всегда удавались,— продолжала она,— к тому же тебе просто надоест сидеть до обеда в комнате отдыха. Директор сказал, что тебя лучше подержать здесь, пока он не решит, что с тобой делать.

Она подождала, что я отвечу. Я снова посмотрел на ее руку. Я понимал, что виноват, но не мог ей об этом сказать. Лучше просто последую ее совету.

Изложения на свободную тему мне и правда нравятся, больше, чем работа в кабинете труда. Потому что можно писать о вещах, не имеющих никакого отношения к собственной жизни: о чудовищах на Марсе или о 3000 году.

Я никак не мог начать. Наконец написал: «Почему я укусил мисс Чэндлер сегодня утром» — и подчеркнул. Потом уставился на чистый лист. Начинать надо было издалека, с прошлого года. А начав, я уже не мог остановиться.

Стоит мне сообщить, что мои родители разведены, как все начинают с умным видом кивать головой и бормотать: «Ах, вот оно что, ну тогда все понятно». Но дело вовсе не в этом. Если бы причина была в том, что у некоторых два отца или две матери, то у нас полкласса можно было бы считать отъявленными головорезами. Но тем не менее пока еще никто никого не кусал.

Мои родители относятся друг к другу вполне дружелюбно. Им просто надоело жить вместе, вот и все. Отец навещает нас раз в неделю, платит за квартиру и одежду. Мать покупает продукты.

Во время отпуска он увозит нас на неделю одних, без матери. Нас, в смысле меня и моих сестер, одну старше меня и одну моложе. Во всем этом есть один крупный недостаток — я вынужден проводить время с сестрами. До развода все было по-другому. Тогда мы уходили с отцом вдвоем, испытывали лодку в Круглом пруду или запускали змея в Хэмпстед хит. И дело не в том, что это мужские занятия, нам просто хорошо было вместе.

После одного из «наших» дней я заговорил с отцом о будущей неделе. Мы решили пойти в музей науки, посмотреть новую машину, но сестрам хотелось в кино на музыкальную мелодраму. Не помню, как она называется. Я терпеть не могу спорить, отец тоже. Мы оба не выносим скандалов. Ему будет ужасно неприятно узнать про сегодняшнее утро.

Я знаю, что он заходит к нашему директору и к моим сестрам в школу тоже. Один, без матери. Он не верит тому, что мать рассказывает о наших успехах. Не то чтобы она врала, просто старается опустить те факты, за которые ее можно обвинить. Я это заметил. Наверное, мисс Чэндлер расскажет им

обоим. Можно, конечно, попросить ее не говорить. Но ведь есть еще директор...

Несмотря ни на что, мне хочется, чтобы отцу нравилось то, что я делаю. Наверное, потому, что он вообще редко кого хвалит, и если уж похвалит, то ясно, что за дело. Мать — та, наоборот, всегда спешит похвалить. Сестры на это клюют, а мне совсем необязательно, чтобы меня превозносили до небес в виде компенсации за их развод.

Говоря по правде, наша неблагополучная семейная жизнь мне иногда надоедает, особенно после прогулки с отцом. В день, когда мы вместо музея науки пошли в кино, я был уже сыт по горло. Это было год назад. Как раз в начале прошлогодних пасхальных каникул. Сегодня первый учебный день после нынешней пасхи. Не слишком хорошее начало, но мисс Чэндлер могла бы и подумать, прежде чем спрашивать (намекая, что она в курсе всех наших семейных дрязг): «Ну, как прошли идеальные каникулы, Боб?» Спрашивать с такой улыбкой, словно ответ ей и так известен.

Идеальные каникулы! Они начались еще тогда, год назад, когда я ворчливо поинтересовался у отца, неужели мы так никогда и не сможем ходить с ним вдвоем, без сестер, ходить и делать то, что нравится нам обоим. Неужели придется ждать, пока я вырасту, а он состарится. Сестры побежали в гостиную рассказывать матери о фильме. Принялись напевать одну из песенок. И мы на минуту остались вдвоем в прихожей. Мать иногда не выходит прощаться с отцом. Но время от времени он задерживается, и они долго говорят о деньгах, о нашем будущем, о своей работе.

В тот вечер я понял, что ему хотелось сказать что-то, он только не знал, что, и, когда он наконец посмотрел на меня, взгляд у него был такой, какой иногда бывает у взрослых, словно они чего-то боятся. Он долго думал. Я ему не мешал. Наконец он сказал:

— Ты можешь немного подождать? До следующей пасхи?

— Целый год! Ну, в принципе могу.

— Видишь ли, я жду повышения у себя в конторе. А это означает прибавку к зарплате. Если твоя мать не будет возражать, мы проведем вместе отпуск на пасху. Я смогу оплатить их поездку еще куда-нибудь, а мы с тобой отправимся в поход. Вдвоем. Ну как, устраивает?

Поход! Мы так давно хотели пойти в поход. Я уже решил, что это никогда не случится. Отец рассказывал, как он со своими родителями обошел всю Европу, как они разбивали палатки — у него была своя, маленькая, с которой он мог сам справиться,— на берегу реки, на склоне горы или в винограднике. Эти рассказы заставляли меня поверить, что поэмы, которые читает мисс Чэндлер, не такая уж чепуха. Итак, мы договорились.

До развода мы никогда не ходили в поход всей семьей, хотя отец часто предлагал. Но мать особой тяги к природе не испытывает. Свой отпуск она предпочитает проводить в шикарных гостиницах с хорошей кухней и горячей водой. Я понимаю, почему родители решили, что их брак не удался. Теперь, во время посещений отца, мы строили планы на будущее.

Прежде всего отец раскопал свою старую палатку. Он совсем про нее забыл, но его родители ее сохранили. Для меня она была в самый раз. Мы потренировались, как ее ставить, в саду у его родителей. Вообще-то я хожу туда редко. Мать их не очень любит. Скоро я ставил и разбирал палатку почти так же быстро, как отец. Дома я положил ее в углу своей комнаты, специально расчищенном для походного снаряжения. Так как отец платил за наш поход и за поездку матери с сестрами к морю, он не мог позволить себе покупать еще и мое снаряжение. После долгих обсуждений мать разрешила мне иногда пользоваться семейным фондом.

Отец составил мне список: примус, фонарик, спальный мешок, прокладка и так далее. У меня была небольшая сумма — подношения от родственников, не сумевших выбрать ко дню моего рождения подарок. Я решил использовать и ее. Гора в углу комнаты постепенно росла. И все это время мы с отцом готовились. Я никому ни о чем не рассказывал. Сколько раз мне приходилось разочаровываться в последнюю минуту. Хуже всего, когда каждый из родителей планирует твою жизнь по-своему. Так вот, я никому не проболтался. И о том, как осуществилась моя мечта, мисс Чэндлер тоже не от меня узнала. Отец проверял кучу у меня в углу и, как правило, одобрительно кивал. Раза два он заметил: «Это тебе не понадобится. Не забывай, что у меня всего лишь «Фиат-500». В один из «наших» дней мы приобрели багажную раму на крышу. К счастью, почти вся моя одежда больше всего годится как раз для похода. Так что на этом мы сэкономили.

Осенью пришлось отказаться от поездок по окрестностям: сестры легко подхватывают простуду, а мать терпеть не может сидеть дома и ухаживать за нами. Вместо этого я стал брать уроки оказания первой помощи. Отец сказал, что этому необходимо научиться — мы будем жить вдалеке от населенных пунктов, а несчастья случаются даже с самыми осторожными. Мне предстояло узнать все о порезах, ожогах и растяжениях. К нам в школу каждую неделю приходит бабуся из Красного Креста. Обычно эти занятия посещают девчонки. Когда я первый раз там появился, они начали хихикать. Но старушка оказалась с характером и быстро это пресекла. По ее мнению, мне надо было сдать экзамен для получения удостоверения, тогда у меня появилась бы цель, стимул к учебе, как она сказала. Я чуть было не сообщил ей, что моя цель поинтересней всех ее экзаменов, но вовремя сдержался. А тому, кто доложил обо всем мисс Чэндлер, тоже лучше было бы помолчать.

Во время рождественских каникул мы отца не видели. Он ссылался на сложности в новой работе. Но я и так был почти полностью готов. Я постоянно перекладывал вещи у себя в углу и старался угадать, куда мы поедем. И все время думал, что до пасхи осталось только три недели. Пасха в этом году была ранняя.

Отец снова начал регулярно заходить, когда мы пошли в школу, но стал каким-то рассеянным. Я уже начал бояться, как бы он не передумал, но потом он принес походный дневник, и я понял, что он не обманет. В дневнике были разлинованные страницы для записей, чистые — для рисунков, разграфленная бумага для карт, столбцы для расчетов и отдел с алфавитом, как в телефонной книге, для особых заметок. Я старательно вывел на обложке свое имя и слова «Походный дневник. Пасха. 1975». Узнав про дневник, сестры подарили мне коробку цветных карандашей. Если бы они поехали куда-нибудь с отцом без меня, я бы жутко им завидовал. Иногда они бывают неплохими девчонками. Хотя я ничего такого не говорил, но они, да и мать тоже, догадывались, наверное, что для меня свет клином сошелся на этом походе. По-моему, в это время учителя жаловались матери на мою рассеянность. Может быть, поэтому она и рассказала все мисс Чэндлер. На нее это похоже. Представляю, как они обе смеялись.

А у отца вдруг кончились неприятности на работе, как мы считали, и он стал снова нормальным, как раньше. Пожалуй, даже слишком нормальным. Он был необычайно весел, отпускал смешные замечания, прислушивался к болтовне сестер и говорил им комплименты. Однажды он погладил меня по голове. Уверен, что он сделал это машинально, потому что, когда я съежился, он тут же отдернул руку.

Утром за несколько часов до прихода отца я вынес все вещи за дверь. Мать и сестры тоже торопились на поезд. Они предложили помочь нам донести вещи до «фиата», но отец ответил, что вынужден был поставить его за углом и что сам прекрасно справится. Когда он понес к машине первую связку, пришло такси. Я остался один в пустой квартире. Отца не было долго. Неожиданно я вспомнил, как выглядела улица, когда уехало такси. Она была почти пустой. Мест для стоянки достаточно. Меня охватил глупый страх, что отец не собирается возвращаться, что я брошен один в пустой квартире.

Услышав шум лифта, я выбежал на лестницу.

— Надо запереть дверь,— сказал отец, бросив на меня странный взгляд. Наверное, заметил, как я испуган. Когда мы вышли на улицу и завернули за

угол, где стоял «фиат», он продолжал обеспокоенно поглядывать на меня. Вещи, набитые доверху, загораживали заднее стекло. Я уже предвкушал, как устроюсь на переднем сиденье, а он будет вести машину.

Я подошел к передней дверце. И замер. Там, рядом с местом водителя, кто-то уже сидел. Сначала я решил, что это тетя Сильвия, сестра отца. Она чуть моложе отца. В общем, я был не против, если она решила нас проводить. Но когда я открыл дверцу и женщина обернулась, я обнаружил, что это какая-то девушка еще моложе тети Сильвии. Она улыбнулась мне. И продолжала сидеть впереди. А я стоял и смотрел на нее. Мне казалось, что я упал в черную холодную дыру во времени и пространстве и никогда из нее не выберусь. Потом я почувствовал, как отец легонько толкает меня в сторону. Он открыл дверцу и бросил на меня умоляющий и виноватый взгляд. Все это не заняло и секунды. Но именно этот взгляд следующие несколько минут удерживал меня от скандала.

— Я приготовил тебе местечко,— сказал он.

Я протиснулся внутрь и уселся, как в норе, между спальными мешками. Отец все не включал мотор.

— Это Луиза,— сказал он. Девушка снова улыбнулась мне.

— Ты уютно устроился,— сказала она.

Я не ответил. Сначала я боялся, что заплачу. Я не плакал ни разу в жизни, но тут готов был уже зареветь. А потом я вдруг страшно разозлился. Как будто какой-то другой мальчишка вселился в меня. Мальчишка, который мог без предупреждения укусить мисс Чэндлер. Все мое разочарование выплеснулось наружу, несмотря на умоляющие взгляды отца. Я собирался спросить какую-нибудь ерунду своим обычным тоном, но вопрос прозвучал иначе. Голос выдавал всю мою боль.

— Она что, поедет с нами?

— Да.

— ...но ты же обещал...

— Знаю. Извини. С прошлой пасхи много воды утекло. Я же не мог знать тогда, что встречу Луизу. И еще несколько недель назад я не думал, что она захочет поехать с нами.

Что я мог сделать? Вернуться в пустую запертую квартиру?

— Все будет отлично,— безо всякой уверенности сказал отец, отъезжая от стоянки.

— Я тоже первый раз еду в поход,— сказала Луиза.— Я знаю, Боб, что ты умеешь читать карту, оказывать первую помощь и всякое такое. Это просто здорово. Ты должен меня всему научить.

Я растерянно посмотрел на отца. Ведь точно так же ведет себя моя мать и точно так же ждет, что все сразу начнут ею восхищаться. Именно ее неискренность с людьми всегда выводила его из себя. Но он только ласково улыбнулся Луизе и протянул карту. Я с трудом это стерпел. Я чуть не закричал: «Но ты же обещал, что это буду делать я!» Что толку кричать?

Окна были доверху завалены вещами. Время от времени Луиза оборачивалась и называла город, который мы проезжали. Я догадался, что мы едем на север. И хотя из окна мало что было видно, сразу понял, когда мы поехали по сельской местности. Потом мы заблудились. Главные указатели исчезли, и Луиза сразу же запуталась. Она держала карту вверх ногами и вовсю вертела головой, стараясь найти по ней дорогу. Точно так же делает и мать, она всегда путает право и лево, и до тех пор не говорит отцу, куда надо поворачивать, пока мы не проедем поворот. И когда это случалось, отец бывал в ярости. На Луизу он даже голос не повысил. Все это казалось ему забавным.

— Может быть, пусть лучше Боб попробует? — мягко предложил он.— А ты отдохнешь.

— Да, у меня уже глаза болят,— ответила Луиза. Она даже не извинилась за то, что потеряла дорогу. И все твердила про свои глаза. Я ждал, что отец обменяется со мной взглядом, но он на меня так и не посмотрел. Он остановил машину и помог Луизе пересесть. Я запрыгнул на переднее сиденье, боясь, как бы они не передумали. Схватил карту. Йоркшир. Еще до того как отец показал на карте наше местонахождение, я нашел его сам. Я сосредоточился изо всех сил. Мне нельзя было допустить ни одной ошибки. Мы проехали ферму, отмеченную крестиком на карте, свернули в поле, и я сложил карту. В ту же секунду отец остановил машину.

— Неплохо поработали,— сказал он.

На один блаженный миг я полностью забыл о существовании Луизы, но тут отец заговорил:

— Мы пока поставим палатки, а ты сходи на ферму за водой и молоком. Скажи, что ты от мистера Гудвина. Они нас ждут. Я здесь уже был несколько раз. Они снабдят нас яйцами, картошкой, яблоками, дадут даже цыпленка, если мы захотим.

Я чуть не подпрыгнул и не завопил от радости, но мы с отцом потому так и ладим, что не показываем своих чувств. Луиза вышла из машины и огляделась по сторонам.

— Я что, должна пройти через это поле с коровами? — спросила она. Она снова забралась внутрь и уселась впереди.— Я лучше вас подожду. Вдруг там собака.

Мне хотелось, чтобы там была не собака, а бешеный бык, которому одного взгляда на ее красные брюки было бы достаточно... Но у нас и без нее дел было по горло. Ее палатка была чуть больше моей. Самая большая принадлежала отцу. В ней мы собирались хранить продукты, а на крыльце с откидными стенками устраивать обеды. Поднялся ветер. Мы порядком устали, пока натянули три палатки. Но в конце отец положил мне руку на плечо и улыбнулся. И я понял, что сделал все как надо. Но почти сразу же он подошел к машине и постучал по стеклу. Луиза не спеша вышла. Она дрожала от холода.

— Сходите лучше вы,— сказала она.— Пока я не выпью чего-нибудь горячего и не перекушу, я ни на что не способна. Кто бы мог подумать, что здесь так...

Отец рассмеялся. До встречи с Луизой он никогда столько не смеялся. Мне показалось, что я его совсем не знаю. Мы отправились на ферму. По дороге он сделал совершенно необычную для него вещь — взял меня за руку.

— Дышите глубже, как советуют врачи,— сказал он.

Вот-вот. Раньше он ни за что не отпустил бы такую плоскую шутку. Особенно мне. Я через силу улыбнулся. Да, не похоже это было на идеальные каникулы, но, может быть, хоть что-то получится.

Когда мы вернулись с молоком, водой и свежими яйцами, начало темнеть. Отец сказал, что в первую ночь можно обойтись и без костра. Ужин мы готовили на газовой плите. Нужно было дать Луизе привыкнуть. Появились звезды. В конце поля виднелась каменная ограда и рябина. Слышно было, как в ее ветвях гуляет ветер. Наши палатки казались такими уютными и безопасными. К нашим газовым фонарикам слетелись мотыльки. Потом Луиза включила транзистор. Поп-музыка. Отец любит Бетховена. Он ходит один на концерты. Дома, еще до развода, он всегда выключал радио и телевизор. Я взглянул на него — что он сделает сейчас? Он притопывал ногой в такт музыке. Я отправился спать. Никогда не понимал взрослых. Ну и не надо.

Проснулся я рано. Шел дождь, но не такой, как в Лондоне. Легкий, мягкий, свежий. Ясно было, что он скоро кончится, этот утренний дождик. Распевали тысячи птиц. И все на один голос, как мне казалось, но потом подошел отец и научил меня отличать пение одной птицы от другой. Потом птицы замолчали, и в мире не осталось никого и ничего, только я, и отец, и чудесный дождь, и тогда до меня дошло, что понимают люди — такие, как мисс Чэндлер,— под счастьем. Мне хотелось сделать что-нибудь сумасшедшее. Я встал на руки и прошел почти до середины поля, побив собственный рекорд. Потом свалился на землю. Но отец ничего не видел. Он озабоченно поглядывал в сторону «фиата». Я медленно подошел к нему.

— Мне есть хочется,— сказал я вяло.— Давай позавтракаем.

— Отличная идея. Когда все приготовим, позовем Луизу. Сегодня ночью она спала в машине. В ее палатку забралась мышь. Странно, что ты не слышал, какой она подняла визг.— Он снова рассмеялся.

Мы сварили яйца и сделали кофе. Она подошла, когда почти все было готово.

— Нарежьте хлеб,— сказал я ей,— и намажьте маслом.

— Надо же, раскомандовался! — воскликнула она.

Я разложил масло, белковую пасту, мармелад на столе перед отцовской палаткой. Из-за облаков пробивалось солнце. Я стоял и смотрел на поле. От кофе шел чудесный запах. Вдруг сзади что-то загрохотало, и Луиза заверещала:

— Ой я порезалась! Кровь! Сделайте что-нибудь.

Я повернулся. Отец уже бежал к ней.

— Я сейчас упаду в обморок,— не переставая, визжала она.— Я не выношу вида крови.

Я достал свою аптечку, но отец выхватил ее у меня. Когда мы наконец уселись за стол, кофе и яйца были чуть теплыми. Но на свежем воздухе все и так казалось вкусным. И вообще все было отлично, пока Луиза не вскрикнула и не вскочила, расплескав кофе на хлеб и масло:

— Паук, паук! У меня в чашке!

Я чуть не расхохотался. Одно время у моих сестер жил австралийский попугайчик. Как-то раз они выпустили его из клетки полетать по комнате, и он сел матери на голову. Она чуть с ума не сошла. Выскочила на улицу, оставив нас одних. И не вернулась, пока отец не пришел с работы. Интересно, вспомнил ли он сейчас об этом и о том, как она не любила насекомых. Похоже, что нет. Он как завороженный смотрел на Луизу и твердил, что можно еще сделать кофе. Потом, когда поднялось солнце, Луиза повеселела. Отец сообщил, что они пойдут прогуляться, а мне посоветовал заполнить первую страничку дневника.

Я убрал со стола и все сложил, как учил отец. Первый закон туриста — соблюдать чистоту и порядок. Потом решил тоже немного пройтись. Тратить дневное время на дневник я не собирался. Этим можно было заняться и перед сном. Прошлая ночь не в счет. Я пошел в другую сторону и скоро добрался до ручья. Во время тренировочных вылазок отец учил меня всегда проверять, нет ли в воде старых консервных банок или мусора, прежде чем совать в нее руки или ноги. И никогда не пить без его разрешения. Конечно, около Лондона вода загрязнена, но этот ручей был такой прозрачный. На дне просматривались самые мелкие камушки. Я сел на берегу и начал болтать ногами в воде. Сначала она показалась мне ледяной. Я сидел и думал обо всем понемногу. И просидел долго. По солнцу я определил, что почти полдень. Часы у меня с собой были, но я принципиально ими не пользовался.

Подойдя к нашему полю, я увидел, как Луиза снует у отцовской палатки, готовя обед. Отец поспешил мне навстречу. Лицо у него было серьезное. Я не сразу догадался, о чем он хочет сообщить. Мы стояли лицом к лицу чуть в стороне от палаток.

— Послушай, Боб,— начал он,— нам придется поменять программу. Луизе нездоровится. Ей бы не хотелось портить тебе каникулы. Она из-за этого так переживает. Домой мы не поедем, не беспокойся. Она присмотрела один отель поблизости. Старинная гостиница. Исторический памятник. Балки, камины и все такое. И город довольно интересный. Тьма достопримечательностей. Мы позвонили туда с фермы, и нам уже оставлена комната. Учитывая, что сейчас пасха, нам просто повезло.

Я сжимал кулаки за спиной. Мне хотелось броситься на него и избить. А потом вдруг я все понял. Мне стало ясно, почему он закрывал глаза на все поступки Луизы. Она была для него не столько женщиной, сколько символом. Тем, чем для меня были эти каникулы. Идеальные каникулы — идеальная женщина. Он не хотел понять, что все это ложь и притворство, так же как и я не мог представить, что еще вчера мечтал об этих десяти днях и хотел, чтобы они никогда не кончались. А сейчас все бы отдал, чтобы они были уже позади. Я жалел его, даже больше, чем себя. Поэтому, когда мы начали сворачиваться и укладываться, я сделал вид, что совершенно спокоен. Даже заставил себя спросить Луизу о гостинице и городе. Но внутри меня все время сидел тот мальчишка, которому хотелось орать, топать ногами и ломать все вокруг. Они ничего не заметили.

Я написал открытку матери и сестрам. В ней я сообщил только, что с нами поехал приятель отца. Я, кажется, начал даже скучать по ним. Обратная дорога заняла целый день. Когда мы добрались до дома, было уже поздно. Луиза осталась в машине, а отец помог мне перенести вещи. Он сложил их в прихожей.

— Я не могу задерживаться,— сказал он матери и сестрам.— На будущей неделе обязательно послушаю, как вы съездили. По-моему, Боб очень устал. Ему надо бы сразу в кровать. Завтра ведь в школу.— Он ушел. Сестры тоже были совсем сонные. Их отправили спать. Мать сказала, что мои вещи лучше перенести в спальню. Прихожая для них слишком мала.

Я заметил, с каким любопытством мать разглядывала почти не использованное снаряжение, пока мы переносили его в угол. Но она ни о чем не спросила. Даже когда сверху упал раскрытый дневник и она увидела, что в нем нет ни строчки. Она подняла его и протянула мне. Потом пожала плечами. Уж она-то никогда не позволит себе задать глупый вопрос.

Вот что я написал. Мисс Чэндлер сказала, что последняя фраза ее насмешила. Я ее смешить не собирался. Похоже, от испуга она уже оправилась. Теперь ее занимала другая, более приятная мысль: ей казалось, что она лучше всех понимает меня. Особенно после того, что прочитала. Но если она что-то и поняла, то совсем не так, как я понял тогда отца,— без рассуждений и выводов. Она сказала, что порвет мое объяснение.

— Не будем больше к этому возвращаться,— сказала она.— С директором я уже беседовала. Через минуту ты сможешь вернуться в класс. Но сначала я хотела бы тебе кое-что предложить.

Интересно, что бы это могло быть? Бодрые наставления после того, как все выяснено до точки, совсем не в духе мисс Чэндлер. Она казалась такой довольной, словно нашла ответ на все вопросы.

— Я обожаю походы,— сказала она.— Каждый год мы ходим куда-нибудь с братом и ребятами из юношеского клуба, где брат иногда помогает. Он учитель физкультуры. Этим летом мы собираемся в Бретань. Хочешь пойти с нами? Я могу поговорить с твоей матерью. А нам как раз нужен специалист по картам и оказанию первой помощи.

Я поплелся за ней в класс. Вы, наверное, воображаете, что я был на седьмом небе от счастья? Люди вообще любят счастливые концы. Представляю, как вы достаете платок, чтобы стереть набежавшую слезу. Совсем как мои сестры на этих идиотских фильмах, куда они меня таскали. Должен вас разочаровать — я даже не поблагодарил ее. Единственное, чего мне хотелось,— пойти и укусить кого-нибудь еще. Первого, кого встречу. Все равно кого. Хоть весь мир.

Перевела с английского
Г. КЛЕПЦЫНА

XX ВЕК В ПЕСНЯХ БОРЬБЫ

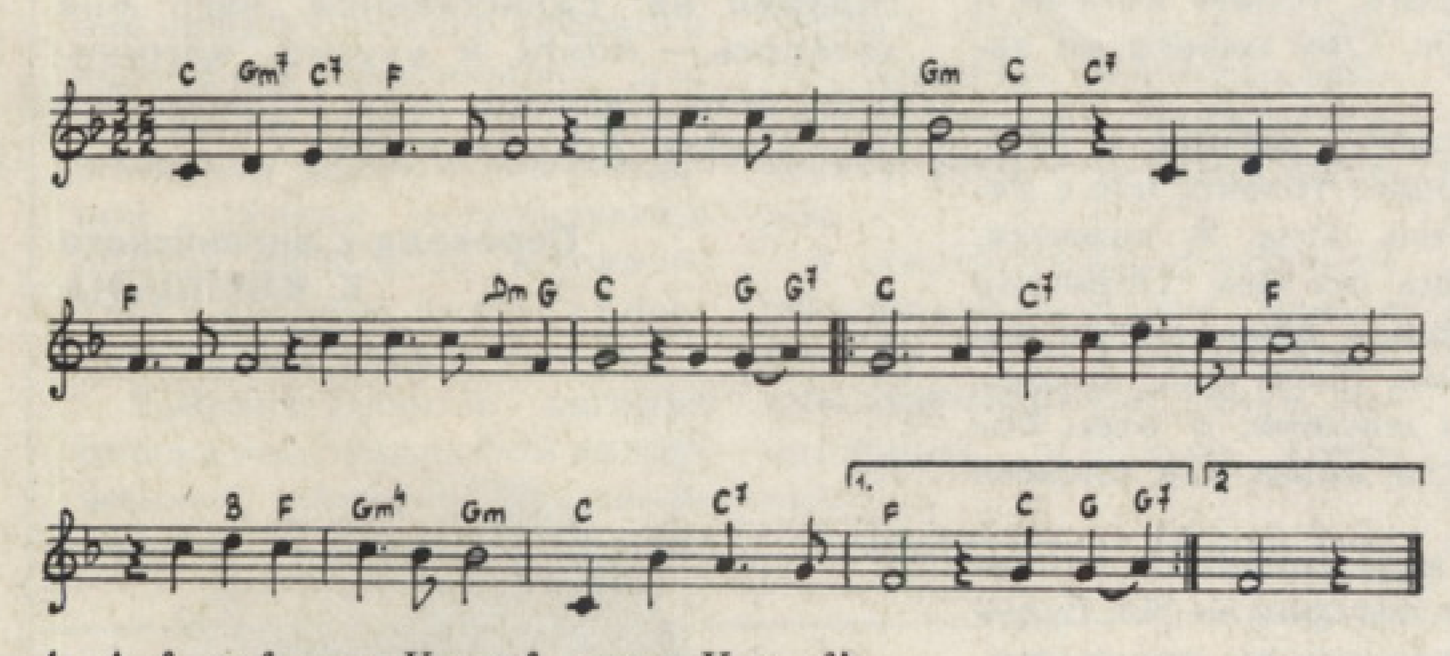

Публикация песен, посвященных самым животрепещущим событиям,— традиция «Ровесника». Из таких песен, полных гнева и ликования, печали и надежд, сложилась своеобразная интернациональная летопись жизни и борьбы людей и народов за лучшее будущее. Многие из них стали классикой — вспомните итальянскую «Бандера росса», португальскую «Грандола — смуглый городок» или американскую «Мы преодолеем». Они многократно публиковались в различных сборниках, хотя, к сожалению, не во всех библиотеках можно найти эти сборники. Вот почему в этом году мы предлагаем вам своеобразный песенный сборник «Ровесника» — историю нашего, XX века в песнях борьбы.

Песня «Вставай на бой» появилась в 1919-м, в год гибели Карла Либкнехта и Розы Люксембург. Пели ее на мотив старинной солдатской песни, автор стихов остался неизвестным: «Вставай, вставай на бой! К борьбе мы готовы. Карлу Либкнехту мы клялись, Розе Люксембург протягивали мы руку. Мы не боимся грома пушек, мы не боимся черной реакции... Мы потеряли Карла Либкнехта, Роза Люксембург убита, но вот стоит человек, стоит твердо, как могучий дуб. Он уже прошел через бури, и он готов к борьбе».

Здесь же вы видите кадры из нового фильма западногерманского кинорежиссера Маргарет фон Тротты «Роза» и фотографию Розы Люксембург.

1. Auf, auf zum Kampf, zum Kampf!
Zum Kampf sind wir geboren.
Auf, auf zum Kampf, zum Kampf!
Zum Kampf sind wir bereit!
Dem Karl Liebknecht haben wir's geschworen,
der Rosa Luxemburg reichen wir die Hand.

2. Wir fürchten nicht, ja nicht
den Donner der Kanonen.
Wir fürchten nicht, ja nicht
die schwarze Reaktion.
Den Karl Liebknecht haben wir verloren,
die Rosa Luxemburg fiel durch Mörderhand.

3. Es steht ein Mann, ein Mann
so fest wie eine Eiche,
er hat gewiss, gewiss
schon manchen Sturm erlebt.
Vielleicht ist er schon morgen eine Leiche,
wie es so vielen Freiheitskämpfern geht.

На первой странице обложки: Насрин Карeми, будущий инженер-машиностроитель, член Народно-демократической партии Афганистана, участница II фестиваля дружбы советской и афганской молодежи в Ташкенте.

Фото А. КОНДРАТЬЕВА

В НОМЕРЕ:

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.
Сдано в набор 16.12.86. Подписано в печ. 15.01.87. А00917. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 500 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 280.
Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Индекс 70781
Цена 35 коп.